БЕН-ЦИОН ТАВГЕР

МОЙ ХЕВРОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга, которую читатель держит в руках, основана на материале магнитофонных записей, сделанных профессором Тавгером в последний год жизни.

Бен-Цион Тавгер приехал в Израиль в 1972 году из Новосибирского Академгородка. Много лет потратил он на борьбу с КГБ и советскими властями за право жить на родине. За ним охотились, его преследовали, травили, пытаясь найти благовидный предлог и осудить «предателя». Но Бог был милостив — Тавгер приезжает в Израиль и по прошествии некоторого времени поселяется в Кирьят-Арба, в Хевроне.

Те, кто приехал в Израиль в 70-е годы, стали свидетелями зарождения еврейского ишува в Кирьят-Арба, героической борьбы раввина Левингера и участников движения «Гуш-Эмуним» с израильскими властями и военной администрацией за право евреев селиться и жить на всей территории Эрец-Исраэль.

Активным участником этой борьбы был и профессор Тавгер. Уже тогда, более 20 лет назад, превосходно разобравшись в ситуации, он знал, как нужно действовать, чтобы возродить еврейское присутствие в Хевроне. Он не мог смириться с тем, что евреи в своей стране не имеют права жить и молиться там, где они хотят, посещать святые места, передвигаться свободно, без опаски. «Политика» израильских властей в те годы (как, впрочем, и сейчас) ставила евреев в зависимое положение: еврей не может делать, что хочет, не оглядываясь на реакцию араба, — не понравится тому что-то — забросает еврея камнями, подожжет его машину, иными словами, найдет способ выразить свой «протест», и власти обязательно вмешаются и «утихомирят» еврея. И это в государстве, которое называет себя еврейским…

- Бен-Цион Тавгер
  - 1. Открытие синагоги «Авраам авину» в Хевроне
  - 2. Переезд в Кирьят-Арба
  - 3. Ситуация в Хевроне
  - 4. Письма
  - 5. Мы не привыкли спрашивать
  - 6. Изменение (бес)порядка в Меарат га-Махпела
  - 7. Полиция и армия
  - 8. Кладбищенский сторож
  - 9. Начало больших раскопок
  - 10. Отношения с властями
  - 11. Шошан Пурим 1976 — берем закон в свои руки

- 12. Реакция на самооборону
- 13. Продолжение раскопок в «Авраам Авину»
- 14. Работы на кладбище
- 15. Продолжение раскопок в «Аврам Авину»

Бен-Цион Тавгер
Мой Хеврон

1. Открытие синагоги «Авраам авину» в Хевроне

Наконец этот день настал — 22 мая 1981 года, торжественный день открытия синагоги.

Народу было немного. И все потому, что день и час знаменательной церемонии не были заранее широко объявлены. Многие просто не знали об этом. Да и сам я узнал случайно и еле успел. Всю неделю пропадал в Иерусалиме, а когда приехал домой, меня ждало персональное приглашение.

Открытие синагоги, надо сказать, прошло торжественно. Все собрались, ожидая, когда начнется шествие со свитками Торы. А я тем временем смотрел на стены, пол, потолки, предаваясь воспоминаниям: шесть лет назад здесь была свалка мусора и навоза, овечий загон. И вот — стоит синагога, почти полностью восстановленная. Такая, какой она была до 50-х годов, пока не разрушили ее арабы. Возможно, строители внесли в ее архитектуру незначительные изменения, — мне трудно сейчас об этом судить. Но в целом, глядя на старые фотографии и рисунки, можно сказать, что она такая же, как прежде: богато и красиво отделана, и что особенно важно — царит в ней особый дух, дух прежней синагоги.

Люди — знакомые и незнакомые — подходят ко мне, горячо пожимают руку, говорят в мой адрес похвальные слова. А я, если честно признаться, чувствую себя неловко, не сразу могу найтись, что ответить на все эти поздравления и благословения. Без ложной скромности: прекрасно понимаю, что роль моя в этом празднике — основная, я первый здесь начал раскопки, и несмотря на все препятствия, довел их до конца. И все равно чувствую себя неловко, хочу, чтобы отметили всех.

Подходит один знакомый, начинает поздравлять меня:

— Здесь не только моя заслуга, — говорю я ему, — это труд многих евреев!

А он отвечает:

— В Красное море тоже вошли все евреи, весь народ, но Нахшон первым кинулся в бурные волны. И все остальные пошли за ним.

Подходит ко мне с поздравлениями Цви Кацовер. Указывая на председателя нашего местного религиозного совета, который все здесь организовал, говорит мне:

— Ну, Бен-Цион, как тебе нравится? Отмечают торжественное открытие синагоги! А ведь когда ты все начинал, они тебе только

мешали!

И в самом деле, когда я работал на кладбище сторожем и стал раскапывать синагогу, им это ох как не понравилось! Они решили, что я занимаюсь не своим делом, и прекратили выплачивать мне зарплату сторожа, чтобы я вообще в этих местах больше не появлялся. Ликвидировали ставку, и все… Но я, слава Богу, смотрел на это иначе, как на испытание свыше. Как на проверку моей души и воли: тот ли я человек? И если бы сдался, то это сделал бы кто-то другой, человек более мужественный и достойный. Чуточку позже, чуточку раньше — но обязательно сделал бы. Конечно, если бы члены религиозного совета последовали моему примеру, тоже взяли бы лопаты и ведра, работая вместе со мной, не тратя время на угрозы, не омрачая мне жизнь, открытие синагоги наступило бы раньше, гораздо раньше, и чувствовали бы они себя сегодня не просто организаторами, а людьми сопричастными.

Наконец принесли свиток Торы, все вышли из синагоги на улицу, и началось шествие, — через базарную площадь, прямо по грязи, которой всегда здесь полно, — пляски и песни с Торой перед внесением ее в новую синагогу. С обеих сторон шли два хазана — сефардский и ашкеназский, поочередно беря на плечи Тору, громко и весело пели и плясали. Над Торой, как над настоящей невестой, несли балдахин хупы. Мне тоже давали Тору нести, давали держать один из шестов балдахина, я тоже со всеми пел, плясал и радовался. Меня сменил Замбиш, его — рав Левингер. Так мы вернулись всей процессией в синагогу.

Я удостоился особой чести — открыть «арон га-кодеш». Вызвал меня громко по имени сам председатель религиозного совета. Громко пели хазаны, благословляли присутствующих коэны, торжественно шла молитва. Честь закрытия «арон га-кодеш» была снова предоставлена мне.

Кто-то язвительно мне прошептал:

— Гляди, а ведь мезузу к входной двери дали прибить раву Левингеру!

Э нет, напрасно пытаются нас поссорить друг с другом, — ядовитые эти нашептывания совершенно бесполезны. Меня удостоили в этот день высокой чести, и этого мне достаточно.

Вообще-то мне в жизни очень везет. Я — человек счастливый. В науке никто никогда не утаивал моих идей и трудов, никто меня не обкрадывал, не забывал моего имени, не присваивал моих открытий. Вот и сейчас я не чувствую себя ни в чем ущемленным. Атмосфера в синагоге веселая, мысли у всех — возвышенные. Люди словно парят над грешной землей — праздник открытия синагоги, радость евреев с Торой, — это и

есть мой праздник, самая большая награда. У меня было легко и радостно на душе. Я чувствовал себя как человек, завершивший большое дело всей своей жизни, значительный этап земной судьбы. Об этом я думал сейчас.

Потом начались речи и выступления, официальная часть.

«Вот интересно, дадут ли и мне слово?»

Но все у них было расписано, все продумано: должен был выступить оратор от имени израильского правительства — генеральный директор Министерства религий. Не помню точно, что именно он говорил, но последняя фраза запомнилась: «За дружбу между двумя народами в древнем городе праотцев Хевроне — дружбу евреев с арабами…»

Затем предоставили слово раву Левингеру.

Надо сказать, что в этот день рав был «не в форме». Целые сутки до этого он занимался перевозом своей семьи и имущества из «Хадассы» в новую квартиру. К тому же его расстроила сильно последняя фраза генерального директора. Выглядел рав неважно, мысли его рвались и путались, он часто сбивался.

Начал рав Левингер, как и положено, с благословений Господу Богу, что мы дожили до этого дня и часа, когда синагога открылась. В Хевроне, где были погромы, резня, на месте, где был загон для скота. И тут с ним что-то случилось. Рав Левингер возвысил свой голос, и принялся кричать, что скажет, все, что накипело у него — им скажет… Может, такое не принято говорить, но скажет — прямо и откровенно, перед всем миром — он скажет…

Чувствовалось, рав Левингер не в силах сладить с собой, полный гнева и боли. И то, что его мучает — вырвется наконец. Так и случилось: он говорил об арабах, погромах в Хевроне. Первый из них, случившийся в 1929 году, привел к тому, что прекратилось надолго еврейское поселение в Хевроне. А второй погром случился в прошлом году, уже при израильской власти, у всех на глазах. Однако никто из арабов не покаялся в этом, никто не выразил сожаления.

— А мы им тоже ничем не ответили! — и голос рава дрожал от гнева и возмущения. — Не наказали погромщиков, и прав поэтому рав Кахане! — И так стучал кулаком по столу, что, казалось, что от его ударов стол расколется.

Трудно сказать, как его речь воспринималась присутствующими. Ведь все-таки — торжество открытия синагоги, и речи подобного характера сегодня не к месту.

А я сидел и думал: а что бы сказал я? Когда я начинал здесь раскопки, то думал не только о синагоге. Мои планы шли гораздо дальше — восстановить в Хевроне весь разрушенный еврейский

квартал, и главное — изменить атмосферу, сделать невозможным положение, когда, при еврейской власти, на месте синагоги стоят три «знаменитых» учреждения: загон для скота, общественная уборная и свалка мусора.

Я бы напомнил им, как воевала со мной военная администрация. Как посылали против меня солдат. Как арестовывали, многократно судили. Сколько позорных дел на меня состряпано! Сколько позорных обвинений было предъявлено мне и моим друзьям! И ради чего? Чтобы не дать нам изгнать отсюда арабских овец, очистить место от мусора и навоза, отстроить еврейскую синагогу. Прославленную, легендарную синагогу, носящую имя Авраама-авину.

И еще бы я им сказал: «Поскольку клеветники не наказаны и об этих событиях с синагогой Авраам-авину никто не знает, — разве есть гарантии, что подобное в будущем не повторится? Мы снова можем стать свидетелями того, как евреи позорят свой народ. Нужно еще много усилий, чтобы это галутное наследие выкорчевать из нашего сознания, из нашей среды. Вот что надо бы изменить!».

Уходя с торжества открытия синагоги, я думал об этом. Я стал постоянно об этом думать: надо об этом написать! На базе опыта, накопленного мною в Хевроне. Люди должны знать правду. Настало время рассказать обо всем.

2. Переезд в Кирьят-Арба

Это было 1972 году в городе Нацрат-Илит.

В Нацрат-Илите было два ульпана: ульпан «Алеф» и ульпан «Бет». Мы учились в ульпане «Алеф».

Помню, кто-то пришел к нам из ульпана «Бет» и сообщил, что из Кирьят-Арба приехал человек и очень красочно описывает это поселение.

Я тут же поднялся вверх по улочке, чтобы увидеть его. Со мной пошли еще несколько человек. Нас встретил мужчина крепкого телосложения, розовощекий и улыбчивый.

— Приятно видеть еврея из России. Я ведь и сам оттуда, прекрасно понимаю, что это значит: приехать в Израиль из столь далекой и закрытой страны! Аркадий Маргулис, — представился он, протягивая мне руку.

А сам весь так и сияет, видно, что действительно искренне рад встретиться с только что прибывшими из России евреями.

Маргулис сказал, что сам он из Кирьят-Арба — это новое поселение на освобожденных территориях. Так и сказал «на освобожденных», хотя от всех я только и слышал: «захваченные» либо «контролируемые». Мне он сразу стал симпатичен. Я почувствовал в нем единомышленника, понимающего, как и я, важность нашего возвращения на древнюю родину.

— У нас хороший коллектив, интересные, умные люди. В Кирьят-Арба находится Меарат га-Махпела, где похоронены наши праматери и праотцы. С Хеврона, собственно, и началась еврейская нация, еврейское государство…

И продолжал:

— Прекрасный горный воздух, здоровый и чистый.

Приезжаешь в Хеврон с работы, и вся усталость тут же проходит: отдыхаешь душой и телом… А сейчас мы бы очень хотели, чтобы к нам приехали поселиться и вы — новые олим. Я очень ищу врача, нам нужен врач для нового поселения.

Тут же нашлась женщина-врач, которая изъявила желание поехать в Кирьят-Арба, на месте познакомиться с обстановкой. И если ей понравится, сказала она, то охотно там поселится.

Я проявил живейшее любопытство, стал задавать самые разнообразные вопросы.

— Горный воздух, — говорю, — это очень хорошо. А что вы можете предложить еще к вашему воздуху? Найдется ли для меня работа? Я согласен ездить в Иерусалим за сорок километров от Кирьят-Арба, лишь бы была работа. Если поможете, я с удовольствием буду там жить!

Аркадий уехал. А меня не покидала мысль, что я в Израиле — новый человек, каждая встреча мне интересна. Вот приехал к нам культурный, образованный человек. На прекрасном, живом языке доступно и ясно все объяснил. А ведь он обыкновенный полицейский в чине сержанта. Но все ему близко, все его волнует. Во всем, что касается государства, глубоко заинтересован. И вовсе не по долгу службы. Не то, что советский милиционер, который вообще не знает ни истории своей родины, ни духовных запросов своего народа, да и не интересуется этим.

Впоследствии я познакомился с Аркадием ближе и убедился, что мое первое впечатление о нем было верным. Более того, он оказался просто хорошим человеком. Даже в некотором роде необычным. Каждому человеку старался создать все условия для максимального проявления его способностей.

Прошла неделя, и «русский» врач Паша, не закончив занятий в ульпане, переехала со своей семьей в Кирьят-Арба. Позже, когда и я туда переехал, я слышал много лестных отзывов об этой женщине. Она покорила местных жителей своей сердечностью, внимательным отношением к пациентам и высоким профессионализмом. Была готова лечить в любое время дня и ночи, не считаясь со временем.

Попал я в Кирьят-Арба не сразу. Не через неделю и не через месяц.

Сначала я часто бывал в Иерусалимском университете в надежде получить работу. Со мной много беседовали, но обещаний никаких не давали. Тогда я еще не знал, что на Западе, в том числе и в Израиле, существуют понятия «конкуренция», «проблема свободных мест». В России я с этим не сталкивался. Там было так: если ты хороший специалист и нужен, то место всегда найдут, что-то для тебя придумают.

Обращался я и в беэр-шевский университет. В принципе я мог жить в Кирьят-Арба, а на работу ездить в Беэр-Шеву. Университет там был новый. Я думаю, что там были свободные ставки. Однако ответ, который я получил оттуда, буквально ошеломил меня. Мне объяснили, что мой уровень слишком высок, и именно поэтому я им не подхожу…

Что я им мог ответить? Не бойтесь меня, я — не Эйнштейн? Интересно, что бы ответили Эйнштейну, если бы он приехал сюда устраиваться на работу?

В конце концов мне пришлось принять предложение профессора Неэмана и начать работать в Тель-Авивском университете. А мысль о переезде в Кирьят-Арба отложить на долгих два года.

Связи с Аркадием я не терял. Мы часто звонили друг другу,

он тоже искал мне работу. Искал что поближе. А ближе всего мне был Иерусалимский университет. Я все удивлялся: простой полицейский, а может свободно обращаться в любое высшее учебное заведение!

Кое-какие контакты с Иерусалимским университетом у меня наладились. Были интересные встречи, беседы. Меня спрашивали о моих научных планах на будущее. Было похоже, что я им подхожу и место мне ищут. Но все это только казалось. Я продолжал работать в Тель-Авиве.

И тогда мне в голову пришла одна мысль. Дело с абсорбцией научных работников из России обстояло из рук вон плохо. Я понимал, что в конце концов это приведет к тому, что поток алии вообще иссякнет. Ведь работа для человека из России — это один из важнейших вопросов. Я собрал всю информацию о физиках и об инженерах, приехавших в страну из СССР, получил сведения о тех, кто еще не приехал, но сидят на чемоданах или уже в дороге, и понял, что надо создать новый институт. Институт твердого тела, в котором следует начать разработку нескольких направлений, нужных Израилю. Это сразу привлекло бы многих ученых и в ближайшие годы дало бы хорошие результаты.

С этой идеей я стал обращаться в разные инстанции. Мой проект получил поддержку и очень хорошие отзывы — письменные и устные. Наконец меня вызвал к себе Юваль Неэман и сказал, что слышал о моем проекте… Собственно, я это предвидел. Умышленно не обращался к нему, а ждал момента, когда он услышит об этом от других. Если он захочет поддержать меня, то пусть все исходит от него самого.

В ту пору профессор Неэман занимался вопросами абсорбции алии из России. Мой план его заинтересовал, он одобрил и его, и ряд предложений подобного рода от других ученых. Создание нескольких научных институтов по тем направлениям, что еще недостаточно развиты в Израиле, представлялось весьма перспективным начинанием. Профессор Неэман обратился к правительству Израиля, лично к главе правительства госпоже Голде Меир.

Однако ничего из этого не получилось. Я до сих пор об этом сожалею. Ведь это могло бы резко изменить весь характер абсорбции. Деньги распылялись по мелочам: на различные университеты, учреждения, на абсорбцию отдельных научных работников, которые работали в непривычных для них условиях, в среде, где один ученый-репатриант не может добиться успеха. Но коллектив, состоящий из разных специалистов, образ мышления которых во многом схож и которыми руководит грамотный и думающий человек, мог бы привести к серьезным

положительным результатам.

Словом, план профессора Неэмана не прошел, но лично для меня кое-что изменилось. Отдел абсорбции научных работников выделил мне некоторую сумму для небольшой группы. Не для института и не для лаборатории даже, а именно для группы, которая должна была работать по моему плану и в дальнейшем влиться в какой-нибудь университет. Это был уже определенный успех.

Юваль Неэман знал о моих намерениях поселиться в Кирьят-Арба и очень хотел помочь. Он был согласен, чтобы я жил в Кирьят-Арба, а моя группа работала в Тель-Авивском университете. Надо признаться, мне это не очень нравилось. Слишком уж далеко было ездить из Кирьят-Арба на работу.

Но увы, и это не состоялось. Юваль Неэман вскоре ушел со своей должности и стал главным советником министра обороны. А без него Тель-Авивский университет не хотел принять ни мою группу, ни нашу тематику.

Несмотря на все, я хотел жить именно в Кирьят-Арба. Даже тогда, когда вопрос о научной работе и создании группы висел еще в воздухе, я принял твердое решение поселиться в Кирьят-Арба и обратился к Аркадию, чтобы он подыскал мне жилье.

Новое строительство там уже не велось, свободных квартир не было. Узнав, что я в любом случае хочу переехать, Аркадий принялся ездить в «Амидар», чего-то искал, добивался, и вот — квартира нашлась. До сих пор не понимаю, как Аркадий ее раскопал, как провернул это дело? Словом, оформил ее на меня. Предстояло пройти формальности в Министерстве абсорбции.

Надо сказать, что в Министерстве абсорбции изо всех сил старались не посылать новых олим жить за «зеленой чертой». Территории эти считались «захваченными», а потому временными. Не покупали квартир в Кирьят-Арба, не было кварталов олим и в других поселениях Иудеи и Самарии. Но мне удивительно повезло. Я встретил чиновницу, настроенную патриотично. Она мне быстро, без лишних слов и долгих вопросов, все оформила, не отсылая из отдела в отдел. Короче, в течение нескольких дней у меня все было готово. По сей день я вспоминаю эту женщину с благодарностью.

И вот я приехал в Кирьят-Арба с бумагой из «Амидара». Ключей от квартиры сразу не нашлось, и некоторое время я жил у Аркадия. Так я стал жителем Кирьят-Арба, жителем Хеврона.

3. Ситуация в Хевроне

Как только поселенцы Кирьят-Арба узнали, что к ним приехал жить новый человек, не имеющий представления о местном быте, к тому же оле из России, едва владеющий языком, они тут же окружили меня самой теплой заботой. Руководство поселения выделило учителя иврита. Нашелся и местный рав, который вечерами стал учить меня Торе. По субботам приглашали в семьи. Словом, много приятных часов я провел в эти дни, знакомясь с Кирьят-Арба и ее жителями.

Более всего опекал меня Ицхак Армони — руководитель местного совета. Видно было, что он придает большое значение приезду в Кирьят-Арба ученого-оле из России. Доктор Паша к тому времени отсюда уехала. Для ее мужа не нашлось здесь работы, и они перебрались в прибрежную полосу. О ней вспоминали с теплотой и признательностью. Вместо доктора Паши работал другой врач, из местных. Этот никуда уезжать не собирался. Было похоже, что в этом отношении он совершенно надежен.

Армони дал всем понять, что со мной он связывает далеко идущие планы. Каким-то шестым чувством он понимал, что я не уеду. Что именно я могу стать тем центром, вокруг которого возникнет русская группа. Он так и говорил:

— Израилю нужен хотя бы миллион евреев из России. А где им селиться, куда приезжать? Ясно, что мы в Кирьят-Арба принять миллион не сможем, но стать местом, которое бы их манило, — страшно важно…

Ицхак Армони во всем помогал мне. Но я чувствовал, что некоторые жители поначалу отнеслись ко мне недоверчиво. «Что это, мол, за профессор, которого вдруг привлекла Кирьят-Арба? Ему что — девать себя больше некуда?»

Как-то посетил Кирьят-Арба Моше Даян. К нему подошел Аркадий Маргулис и откровенно похвастал:

— А знаете, господин министр, у нас поселился профессор!

Тот в ответ улыбнулся и сказал:

— Да бросьте, какой профессор к вам приедет?!

Скоро отношение ко мне в корне изменилось — все поняли, что профессор я настоящий, серьезный, что со мной надо считаться.

В Кирьят-Арба приехал Юваль Неэман. Приехал вовсе не для того, чтобы заверить их, что я нормальный профессор, а чтобы обсудить со мной на месте вопрос о создании лаборатории.

Мы искали соответствующее учреждение, способное принять

меня с моей группой. Деньги Министерство абсорбции уже выделило. Рав Левингер, Ицхак Армони, Юваль Неэман и я обсудили план дальнейших действий в этом направлении.

Юваль Неэман твердо пообещал, что будет искать надежного спонсора. Такой метод абсорбции был принят в Израиле. Свое обещание Юваль Неэман полностью выполнил. Более того, благодаря ему, известному ученому, приближенному к правительству, меня вместе с Ицхаком Армони стали приглашать в университет Бар-Илан, в беэр-шевский и иерусалимский университеты. Нас принимали довольно любезно, выражали полную заинтересованность, но «да» не говорили.

Тянулось это довольно долго. Кто-то был в отпуске, кто-то в отъезде, кто-то по заграницам… Покуда на одном научном съезде ко мне не подошел Юваль Неэман и не предложил:

— Здесь находится директор Иерусалимского технологического колледжа профессор Лев, давай поговорим с ним. Он и директор, он и хозяин. Одним словом — и Бог и царь. Сам от себя зависит.

Мы подошли к профессору Леву. Юваль Неэман все ему объяснил, и тут же на месте я получил согласие. Так я стал сотрудником колледжа «Махон Лев».

Но сразу возникли новые проблемы. За эти полгода куда-то уплыли деньги Министерства абсорбции, выделенные для моей группы. По существу все пришлось начинать сначала. И взялся за это сам профессор Лев. Это был настоящий бульдозер. За ним, как за надежной стеной, я чувствовал себя вполне уверенно. Я больше никуда не ходил, ничего не писал, не добивался. Деньги нам были выделены, и все было сделано, как нужно.

Тем временем я глубже знакомился с ситуацией в Хевроне. Мне бы хотелось поподробней остановиться на этом.

Близкая дружба с Ицхаком Армони, встреча суббот в его доме, наши совместные поездки во многом обогатили меня. Армони по происхождению крестьянин, да и характер у него крестьянский. Он много и с любовью рассказывал мне о Стране Израиля. Говорил о плодородии земли, о том, какие культуры лучше выращивать, что выгодно, а что нет. По его теории, самые лучшие земли располагаются на побережье. Там чаще выпадают осадки, туда легче подводить воду для орошения. Мы же понастроили там города и поселки, залили все асфальтом и бетоном. Как это неразумно: жить в условиях сырого, нездорового климата … А ведь рядом с морем — горы, самим Господом Богом предназначенные для жилья, прекрасный горный климат! И вот горы пустуют, население скопилось в прибрежной полосе, отнимая само у себя пахотные земли и задыхаясь от испарений.

На востоке горы переходят в пустыню. Эта местность приспособлена для индустриальной зоны. Господствующие здесь ветры — западные и северо-западные — могут рассеивать застоявшийся в атмосфере воздух промышленных районов. И получается идеальное распределение территорий: побережье — для земледелия, горы — для обитания людей, а восточные склоны гор, идущие к Иордану и Мертвому морю, — зоны промышленности. Мы же все перепутали, согрешив перед нашей землей и Создателем: не там живем, не там строим, не там пашем.

Долгие часы провели мы в беседах с Армони. Он дал мне почувствовать, что такое наша земля — эти почвы и камни, долины и скалы. Я как новый человек не мог ни о чем судить: ни о политике наших властей, ни о позиции партий. Он как крестьянин и сабра ориентировался в этих вопросах лучше и знал, кого следует ругать за подобную бесхозяйственность. Я же еще мало в чем разбирался, но вместе с тем понимал, что есть множество факторов, которые делают нашу жизнь неестественной и уродливой. Государство наше — совсем еще молодое, еврейский народ вернулся на свою землю почти из двухтысячелетнего галута. Земли, что мы покупали вначале, это были не те земли, что нам бы хотелось иметь. Арабы продавали нам болота, и на этих болотах строились мошавы и киббуцы. Выбирать было не из чего, а строить и заселять — торопились…

Так или иначе, а беседы эти были для меня в высшей степени интересны и очень полезны. Я видел, что этот человек, прямой и открытый, душой болеет за все и мыслит по-государственному. И еще видел, как он строит наш Кирьят-Арба, не считаясь со временем, не щадя своего здоровья.

С Ицхаком Армони связано и начало моих работ в Хевроне.

Летом 1975 года он взял отпуск и стал ежедневно ездить в прибрежную зону, где работал агрономом на хлопковых полях. Работа его заключалась в том, чтобы вовремя определить, когда следует опылять поля, чтобы защитить посевы от вредителей и насекомых. Моему младшему сыну Элиягу он предложил ездить вместе с ним. Все то лето они вставали в пять утра, а возвращались домой поздно вечером.

По субботам мы, как правило, совершали продолжительные экскурсии по горам и окрестностям Хеврона. Водил нас на эти прогулки Хаим Магени, по профессии историк. Он поселился в Хевроне с первой группой и с самого начала жил в Кирьят-Арба. Вообще-то Хаим Магени — личность особая. Он собрал прекрасную библиотеку по истории Эрец-Исраэль. Был глубоким знатоком истории Хеврона, начиная с библейских времен и по

настоящее время, горячим патриотом этих мест. Экскурсоводом он был не совсем обычным, знал буквально все, водил нас по горам, пещерам, тропинкам; проходя по одним и тем же местам несколько раз, обязательно расскажет что-то новое. Часто водил он гостей из Иерусалима и из других мест. Иврит его был изысканным, литературным, библейским. Я тогда еще многого не понимал. Да и не очень старался прислушиваться. Мне важен был сам поход, сама экскурсия. Я как бы приобщался к этим развалинам, к этим горам и камням. Это улучшало мое настроение. Поскольку я был неутомим и ходил на одни и те же экскурсии по многу раз, я все запоминал, и многое мне становилось понятным.

Больше всего меня поражало, в каком ужасном состоянии находились еврейские места. Со времени знаменитого погрома 1929 года ничего не изменилось, будто это все произошло вчера. Более того, были заметны более поздние разрушения и осквернения.

Начнем с Меарат га-Махпела, где похоронены наши праотцы, праматери. В Торе с документальной точностью сообщается, что Авраам-авину купил ее за 400 серебряных шекелей. Оно, это место, изначально еврейское. А евреев туда почему-то не пускают. Предание говорит, кстати, что первые люди на земле — Адам и Ева, тоже здесь похоронены. Всего четыре супружеские пары. Отсюда и происходит название нашего поселения — Кирьят-Арба, город четырех.

Уже много веков в Меарат га-Махпела евреев не допускают. Издревле было такое выражение, как «семь ступеней». Это означает: еврей может подняться у входа только на семь ступеней. Не выше.

После убедительной победы Израиля в 1967 году евреи должны были бы, по крайней мере, быть приравнены к арабам и получить свободный доступ к своим святыням. Но нет! Более того, вся власть в Хевроне над святыми местами, включая и Меарат га-Махпела, была передана шейху Джабри — главарю хевронских погромщиков 1929 года. Этакий жест «доброй воли» Моше Даяна.

Впрочем, евреям позволили входить в Меарат га-Махпела, но только на правах туристов, в специально отведенные для этого дни и часы. А по пятницам вообще не пускают. В то время как арабам открыт доступ в любое время. Моше Даян буквально выразился так: «Вам разрешается ходить туда, как туристам, но в душу арабам не лезьте!»

Чуть-чуть к западу от Меарат га-Махпела до 1929 года, как и в Старом городе Иерусалима находился Еврейский квартал. Этот

квартал существовал пять веков. При погроме много евреев было убито, добро их разграблено, а те немногие, кто уцелел, — выселены. Когда пришел к власти король Хусейн, он разрушил квартал до основания. Теперь здесь раскинулся арабский рынок. Кругом грязь, вонь, невообразимый шум. А на самом святом месте, где находилась синагога «Авраам-авину», построили общественную уборную. Короче, страшное зрелище.

В 1974 году, когда я впервые это увидел, не знаю, что испытал в большей степени: гнев или обиду… И сколько бы раз я это ни видел после, никак не мог смириться, не мог отделаться от обуревавших меня чувств. Синагога «Авраам-авину», говорил нам Магени, считалась одной из красивейших в Эрец-Исраэль. Но указать нам ее точное местонахождение он затруднялся.

В больнице «Хадасса» в Хевроне в 1929 году был самый зверский погром. Внешне здание выглядит довольно прилично. Внутри пусто. Ни арабов, ни их скота. Лишь пыль, грязь и запустение. Все окна выбиты, на полу осколки стекла. Здесь была убита семья фармацевта Гершона Бен-Циона. Зверские пытки, которым их подвергли, описать невозможно. И в конце концов всех зарубили топорами. Это так «отплатили» арабы людям, которые их лечили, спасали от эпидемий и болезней. Можно ли себе такое представить?

Все годы после погрома больница «Хадасса» пустовала. Никто из арабов не решался в ней поселиться, боясь «мести духов», если верить их рассказам. По сей день они полагают, что только с возвращением евреев это проклятие будет снято.

Напротив стоянки такси на Беэр-Шеву пустует полуразрушенное здание. Здесь когда-то жил Элиэзер-Дан Слоним — один из самых уважаемых людей города, представлявший еврейскую общину в муниципалитете Хеврона, директор банка Леуми — Палестайн-Британия. Этот дом имеет свою трагическую историю: многие евреи, спасаясь от погрома, собрались тут, полагая, что убийцы сюда не придут, поскольку авторитет Слонима был очень высок. Однако именно в этом доме произошла страшная резня: в ночь на 18 ава здесь были убиты 24 человека… Вполне естественно, что на этом доме следовало повесить мемориальную доску или как-то его отметить. Но увы! И после возвращения евреев в Хеврон в 1967 году здание продолжало разрушаться Когда я впервые пришел сюда в 1975 году, оставались еще стена и угол. Сейчас — вообще ровное место.

А теперь подойдем к ешиве «Слободка», основанной выходцами из Ковно в начале этого века. С этой ешивы началось поселение ашкеназов, выходцев из Европы, сторонников

религиозного направления митнагдим. Ешива просуществовала недолго — до погрома, и погром, в сущности, начался отсюда. Был вечер перед наступлением субботы, бандиты пришли сюда, нашли одного ешиботника и зверски расправились с ним. Назавтра погром охватил весь Хеврон. Я был в полном недоумении, когда проходил по этим местам. Вот уже седьмой год еврейской власти в Хевроне, но нигде ни одной надписи о том, что здесь находилось еврейское поселение и разыгрался страшный, жестокий погром. Израильская военная администрация, видимо, «стеснялась» напомнить бандитам этого города, кто они есть на самом деле и на чьей земле живут.

Поднявшись в гору с южной стороны, мы попадаем на еврейское кладбище — древнее кладбище, на котором евреи хоронили своих покойников со дня основания здесь сефардской общины — более четырех веков. Открывшийся взору вид можно назвать одним только словом — варварство. Все без исключения могилы осквернены, надгробные памятники, плиты отсутствуют: их растащили, разбили, использовали для мощения дорог и для изгородей. На большей части территории кладбища буйно растет виноград…

Существуют снимки хевронского кладбища до 1929 года, сделанные с воздуха. Оно занимало большую площадь. Теперь же по нему проходят дороги. То тут, то там расположились арабские застройки. Но кое-что еще можно разобрать: на юго-западной стороне отдельно стоящая ашкеназская часть кладбища, напротив — караимское кладбище (они хоронили в Хевроне по соседству с евреями), а в центре — сефардская.

На ашкеназском кладбище совершенно уничтожены все памятники, а территория превращена в сплошной виноградник, обрамленный густо разросшимися деревьями инжира. В стороне стоит будка — чья-то дворовая уборная.

Когда я стал здесь работать с Ноахом Кейсаром, мы быстро выяснили, что деревья инжира растут прямо на могилах, а уборная стоит на месте захоронения знаменитой «бабушки Менухи-Рахель», про которую я еще расскажу.

Сефардское кладбище в основном было засажено виноградником. На части территории арабы развели огороды. Могилы осквернены, надгробные плиты разбиты. В дальнейшем мы обнаружили эти плиты среди камней кладбищенской ограды. Тут же где-то находилась и братская могила погибших во время погрома. Но следы ее обнаружить было почти невозможно. Лишь позднее, в результате наших раскопок, мы смогли точно определить ее местонахождение. Тут же находился участок, где хоронили знаменитых раввинов. Он так и назывался «Хелькат Га-

раббаним». Могилы сохранились, поскольку здесь была каменистая почва, непригодная для огородов. Согласно положению, существовавшему в еврейской общине Хеврона, на этих плитах нет имен и фамилий. Во избежание осквернения. И чтобы арабы не требовали у родственников платы «за охрану» могил. Одна могила сохранилась полностью — могила рава Элиягу де Видаса, знаменитого каббалиста, автора книги «Решит Хохма», похороненного в конце XVI века. На снимках, сделанных когда-то с воздуха, можно увидеть каменную постройку в виде беседки, где люди могли укрыться от солнца и дождя, когда приходили на могилу праведника. Сейчас же от постройки не осталось никаких следов.

Поднявшись на небольшой холмик, можно увидеть центр Хеврона. В районе этого холма, к северо-востоку от кладбища, похоронены, согласно преданию, Ишай — отец царя Давида, и знаменитая Рут-моавитянка. Могилы эти находятся в относительной сохранности. Но никаких памятных досок, никаких следов почитания. Лишь грязь и запустение.

На кладбище арабы из соседних домов сбрасывали весь свой хлам и мусор. В течение десятков лет здесь скопились горы всякой мерзости и грязи, участок превратился в нечто невообразимое. Понятно, что никто ни разу не наводил тут порядок.

Таким я застал еврейский Хеврон, поселившись в Кирьят-Арба.

О том, как здесь жила еврейская община до погрома, мне пришлось много услышать и узнать. Но повторяю еще и еще: никаких мемориальных досок, щитов или надписей в городе не было. Проще всего было подойти к куче мусора, к горам щебня, чтобы определить — тут жили евреи. Это было самым верным указанием.

Все это вызывало во мне определенные чувства, которые не отличались от чувств других евреев: скорбь, печаль, омерзение. Затем появилась злоба… На погромщиков, на нынешние еврейские власти.

Почему за годы, прошедшие после Шестидневной войны, ничего в городе не изменилось? Более того — продолжались разрушения, накапливалась грязь. Появились новые горы навоза на месте синагоги «Авраам-авину». И все это при полном попустительстве военной администрации.

4. Письма

Особый гнев и возмущение вызывала ситуация в самом центре бывшего еврейского квартала. Там, где когда-то находилась синагога «Авраам-авину». Меня преследовала мысль: а может, именно я могу что-нибудь сделать? Хотя, конечно, сомневался — в Хевроне недавно, к тому же оле хадаш. Постоянно напрашивался вопрос: почему творится такое безобразие? Или я иначе воспринимаю действительность, будучи не сведущим во многих тонкостях большой политики?

Приезжавшие ко мне друзья и знакомые тоже недоумевали: как может еврейская власть позволить место, где была синагога, приспособить под загон для скота? Я ничего не мог им ответить.

В конце концов решил: зачем думать о политике, о вещах, в которых я разбираюсь весьма слабо. Пусть этим занимаются другие. Я же должен прежде всего определить, что можно конкретно здесь изменить и как скорее этого достичь. А если ничего не получится, займусь своим делом: наукой, физикой. А что получится, — то получится!

Начал я с писем во все инстанции. До сих пор мучают сомнения — а надо ли было вообще их писать?

Одним из первых было письмо Ицхаку Рабину, тогдашнему премьер-министру. Изложил ситуацию, выразил свое возмущение тем, что происходит с синагогой «Авраам-авину». И одновременно надежду спасти святые для евреев места. Рабин мог помочь, если бы хотел. Если бы только хотел!

Прежде чем отправить это письмо, я дал прочесть его Ицхаку Армони. С ним я делился мыслями, связанными с общественными делами. Он мне мог подсказать: посылать ли это письмо, достаточно ли грамотно написано оно на иврите. Армони был единственным, кому я дал прочитать это письмо. И он, будучи председателем местного городского совета, передал копию письма в издаваемый в Кирьят-Арба листок. Меня он не спросил об этом, но я знал,что письмо будет опубликовано. Плохо это было или хорошо — я не знал, но не хотел возражать Армони. И оно было напечатано. Никто на письмо не отреагировал, никаких изменений не произошло. Зато в Кирьят-Арба я стал известен как «борец».

Написав одно письмо, я решил бороться дальше. Попросил одного своего друга из Киева составить письмо, которое подписала бы группа киевлян — участников демонстраций протеста в Бабьем Яре. Эти люди многое пережили, были свидетелями глумления советских властей над памятью погибших

евреев. Их усилия привели к тому, что в Бабьем Яре был установлен памятник жертвам фашизма и на этом месте не были сооружены стадион и жилой квартал.

Письмо, подписанное киевлянами, имело большой общественный резонанс. Мне говорили, что оно сильно задело министра обороны Израиля. Он воспринял это, как пощечину. Это повлияло на его дальнейшее поведение. Так писал корреспондент «Маарива» Арон Долев. Я не ставил цели кого-то обидеть или задеть, я просто действовал. Мне было тяжело от того, что никаких изменений с синагогой «Авраам-авину» не произошло. Министра обороны посетила делегация из Кирьят-Арба. Я тоже был в ее составе. Рассматривался вопрос о посещении евреями Меарат га-Махпела, и было похоже, что письмо киевлян повлияло на решение министра. Но относительно синагоги — без изменений.

Письма были частью моей борьбы за очищение еврейских мест от скверны, за восстановление синагоги, кладбища, больницы «Хадасса». Это не была борьба ради борьбы. Я вполне отдавал себе отчет, что, собственно, бороться не с кем. Только со своей же еврейской властью. Это отнимет силы у обеих сторон и в итоге ни к чему хорошему не приведет. И пришел к простому решению: если хочу восстанавливать синагогу, то надо ее восстанавливать. Не нужно ни с кем спорить, выяснять отношения. Если станут мешать, постараюсь эти помехи нейтрализовать. И не стану писать больше писем. Ибо нет в этом никакого смысла.

5. Мы не привыкли спрашивать

Не я один болел душой за положение в Хевроне. Полагаю, что каждый еврей, посещавший эти места, думал так же. Особенно жители Кирьят-Арба. И вот возникло то, что стало называться «борьбой за еврейский Хеврон». Я бы, правда, заменил слово «борьба» на слово «восстановление».

При местном совете Кирьят-Арба создали группу активистов, которую возглавил Ицхак Жизпан. Меня тоже включили в эту группу, названную потом комиссией. Но в нее не вошли люди, которые существенно могли бы помочь — историк Хаим Магени, знавший Хеврон лучше других, располагавший материалами, картами, фотографиями. И рав Левингер. Идея создать группу была, в принципе, его идеей. По-видимому, он не хотел занимать никакую официальную должность.

В Кирьят-Арба были приглашены члены Кнессета Геула Коэн и, если не ошибаюсь, Норам Аридор. Были и корреспонденты. Это потом я узнал, что в Израиле так принято: прежде всего ознакомить с проблемой корреспондентов, а те уже обрисуют ситуацию истэблишменту и народу. Как они это делают — вопрос другой.

Группа депутатов спустилась в Хеврон. Сначала мы подошли к Меарат га-Махпела. Солдаты, конечно, никого не впустили. Арабы входили туда свободно, а вот членов Кнессета — не пустили. Геула Коэн, пытавшаяся объяснить, кто они, получила отказ: «Нет, евреям нельзя!»

Кто-то из нашей группы с иронией произнес: «Евреям и собакам — вход воспрещен!», как бы напомнив схожую ситуацию при нацистах.

Геула Коэн решила связаться по рации с военным губернатором. Ей сообщили, что тот прибудет минут через пять. Ждем пять, десять, пятнадцать минут. Убедившись, что губернатор нас попросту обманул, двинулись дальше. Подошли к синагоге «Авраам-авину», точнее, к загону для скота… Потом зашли в ресторан Цви Кацовера передохнуть, и тут рав Левингер прочитал членам Кнессета целую лекцию. Рав говорил им, какой жгучий стыд мы испытываем, глядя на запущенные еврейские места. Ведь Хеврон — это издревле еврейский город! Его восстановление важно для всего народа Израиля!

Затем попросили и меня, человека недавно прибывшего, сказать несколько слов. Но предупредили, чтобы был краток. А что я им мог сказать? То, что они сейчас видели, было красноречивей всяких слов. Я действительно мало сказал, всего

несколько фраз. Сказал, что мы, олим, не ожидали увидеть такое. Что это глумление над святынями еврейского народа. Мы, приехавшие из России, не будем спрашивать у властей, что надо делать, а сами сделаем то, что нужно…

Ко мне подошла Геула Коэн и спросила: «А почему вы думаете, что не надо спрашивать власти?»

Помню, через несколько лет, когда мы устроили первую свадьбу в «Хадассе», пригласив Геулу Коэн, она задала нам примерно тот же вопрос: «Есть ли на это разрешение властей?»

Я говорю об этом не потому, что мне хочется в чем-то упрекнуть Геулу Коэн. Как член Кнессета она много сделала для восстановления еврейских святынь в Хевроне. А говорю исключительно потому, что существует такое обязательное условие — обо всем спрашивать у военных властей. Будь это в Хевроне, на территориях или в другом месте. На чем это основано — неизвестно. Быть может, на том, что власть у нас теперь своя, еврейская! Она нам не чужая, и мы должны ее уважать. И арабы должны это видеть. Вроде бы, все вполне логично и разумно, но в действительности — все получается иначе и гораздо сложнее.

Приведу такой пример. Была у нас как-то экскурсия в Араву, степные края за Беэр-Шевой. После экскурсии все расположились перекусить. И вот, когда мы собрались уходить, я развел костер, чтобы сжечь мусор, оставшийся после еды. Заодно я стал собирать бумаги, валявшиеся поблизости, и тоже бросал в огонь. На это обратили внимание израильтяне: дескать, здесь не принято подбирать за другими, каждый убирает мусор только за собой.

Но тут удивился я: почему я не могу по собственной инициативе сделать то, что считаю полезным? Конечно, существует Общество охраны природы, оно распространяет брошюры и руководства, туристы их читают и тут же выбрасывают. А я стараюсь навести порядок без указаний и брошюр. Что в этом плохого? Разве это запрещено? Точно так же, как я не должен спрашивать разрешения у городских властей, если мне хочется навести порядок в еврейской синагоге, находящейся в запущенном и безобразном состоянии. Я сделаю то, что велено для народа Израиля. Для сохранения его национального достоинства.

Мне кажется, что спрашивать на это разрешения у властей — пустая и ненужная формальность.

Хочу привести еще пример — к чему приводит такая политика.

Было лето 1975 года. В Кирьят-Арба, как я уже говорил, была комиссия, которая искала возможности для поселения евреев в

Хевроне. Одним из объектов для этой цели была больница «Хадасса». Здание ее пустовало, было страшно запущено, не охранялось ни полицией, ни войсками. Обратились к раву Левингеру, и он сказал:

— Следует написать еврейским властям. Причем в ультимативной форме: разрешат — поселимся, не разрешат — все равно поселимся. Но обратиться нужно.

И написал письмо. Я тогда плохо знал иврит, не помню точно, что именно в этом письме было, но факт — обращение имело место.

Какой же оказалась реакция властей? Нам не ответили ни устно, ни письменно. Зато ответили по существу: в «Хадассу» прислали довольно большую группу солдат, и те несли вахту днем и ночью.

А мы, так и не дождавшись ответа, собрали людей из Кирьят-Арба и спустились в Хеврон. Подошли к зданию «Хадассы», попытались проникнуть внутрь. Но кругом были солдаты, и пройти не удалось никому. Убедившись, что все подходы охраняются, мы отступили.

Так закончилась первая попытка — провалом, неудачей. Вот к чему привело обращение к властям.

Через пару дней из армии на побывку пришел Элиэзер Броер. Я предложил ему спуститься со мной в Хеврон, замазать краской позорную надпись, извещавшую, в какие часы евреям позволено входить в Меарат га-Махпела. По дороге мы неожиданно обнаружили, что возле «Хадассы» нет ни солдат, ни охраны. И сообщили об этом раву Левингеру. Ответ его был такой:

— Надо подождать, мы ведь написали письмо… Подождем месяц, два. Дело серьезное. Нужно время, чтобы принять решение.

На этом окончилась первая история с вселением в больницу «Хадасса».

И так было всегда с разрешениями властей. Я не припомню ни одного случая за всю историю Кирьят-Арба, когда администрация в ответ на нашу просьбу дала бы положительный ответ или в чем-то поддержала нас. Не было такого, начиная с самого факта появления Кирьят-Арба. Первые поселенцы — группа рава Левингера, состоявшая из 12 семей, — пришли сюда в 1968 году, в канун праздника Песах. Приехали в Хеврон и поселились в гостинице «Парк», принадлежавшей арабу по имени Кавасме, впоследствии мэру арабского Хеврона, активному стороннику Организации освобождения Палестины. За деньги даже евреям можно было жить в гостинице у этого «патриота».

Рав Левингер рассказывал потом, как они вели долгие

переговоры с правительственными инстанциями, добиваясь разрешения поселиться в Хевроне. Переговоры ни к чему не привели, и тогда члены группы решили вначале провести пасхальный седер в Хевроне, и лишь потом просить разрешения на его проведение. Так они и поступили — и впервые добились успеха. Песах прошел, и из гостиницы их никто не выгнал.

Очень помог им Игаль Алон — один из министров тогдашнего правительства. Он содействовал тому, чтобы группе было выдано оружие. А потом, когда их собрались выгнать из только что возникшего поселения Кирьят-Арба, сам защищал их всеми силами.

Рассказывают, что когда Игаль Алон обратился к Ханану Порату из движения «Гуш-Эмуним» с просьбой выдать оружие группе рава Левингера в Хевроне, тот спросил: «А есть ли на это разрешение?». Министр, в свою очередь, задал вопрос: «А разве нельзя это сделать тихо, без оповещения?».

Позже Игаль Алон помогал поселенцам деньгами, оборудованием, строительными материалами. Для этого он использовал свое влияние и все свои связи. В Кирьят-Арба чтут память об Игале Алоне. Он был нашим большим другом.

Но ведь за безопасность людей отвечал не Игаль Алон, а министр обороны Моше Даян. Оружие рав Левингер получил, не известив Моше Даяна об этом.

Намереваясь раскопать и восстановить синагогу «Авраам-авину», я спрашивать об этом тоже никого не собирался. При чем здесь военный губернатор? И к чему мне его разрешение? Он подчиняется высшим инстанциям, поэтому ограничен в своих действиях. А я за свои поступки отвечаю сам. Моя совесть чиста, я могу действовать самостоятельно, вопреки всем отказам. История с «Хадассой» показывает, что если сначала просят разрешения, а потом действуют вопреки решению властей, тогда, к сожалению, в итоге дело доходит до ненужной борьбы. В «Хадассе» две попытки окончились неудачей, зато на третий раз туда вселились женщины и дети, и началась борьба. Точнее, война. Настоящая война.

Здесь уместно вспомнить еще одну историю. Было это в 1968 году. Все поселенцы во главе с равом Левингером жили тогда уже в здании военной администрации. Справляли свадьбу Бени Кацовера в Хевроне. Трое поселенцев — Цви Кацовер (брат Бени), Феликс и Элинсон, взяли столик, поставили его возле Меарат га-Махпела и принялись торговать напитками. Они хотели, чтобы евреи, которые посещают Меарат га-Махпела, в том числе и многочисленные туристы из-за границы, могли бы выпить и закусить у еврея, а не у араба, и были бы уверены, что продукты

кошерные.

Словом, открытие киоска началось со столика на свадьбе Бени Кацовера, без разрешения властей, вопреки сомнениям и страхам большинства евреев — жителей Хеврона. А когда начались дебаты на тему — можно ставить столик или нельзя, не выгонят ли поселенцев из Хеврона за самовольство и тому подобные споры, это привело только к тому, что прилавок сломали. Пришли солдаты и утащили его. Тогда поднялся скандал в Кнессете. Члены правительства объявили, что это грубая акция. Решено было создать лучшие условия для поселенцев, и их перевели из гостиницы Кавасме в здание военной администрации, а киоск снова поставили. Вскоре он превратился в еврейский ресторан, возглавляемый Цви Кацовером, и стал первым (а долгое время и единственным) еврейским объектом в центре Хеврона. Вот вам пример того, как вопреки закону решительные действия дают положительный результат. Беда в том, что поселенцы нередко сомневались, правильно ли идти таким путем. Они хотели опереться на власть, свалить ответственность на чьи-то плечи. Я считал это аморальным.

Потом уже, как говорится, на собственной шкуре, пройдя через многочисленные суды, я почувствовал, каковы они — законы военных властей. Убедился, как они сами нарушают законы, руководствуясь исключительно политическими соображениями. Я бы назвал это, возможно, резко, но точно — политическим самодурством.

Что такое закон и что такое законные действия? Формально понятий таких не существует. В Израиле, как это известно, нет государственной конституции, кодекс законов составлен из положений Гмары, ТАНАХа и Торы, наследий турецкого владычества и британского мандата. Исход судебного разбирательства зависит от твоего юриста и от суммы денег, которые ты можешь затратить. Следовательно, не нужно бояться, что действия твои незаконны, поскольку даже суд объективно затрудняется это определить.

В этой связи мне хочется привести выражение губернатора Блоха, которое он неоднократно повторял:

— Хок-мок!

Блох намекал, что военные власти опираются чаще на «мок». То есть на то, что им в голову взбредет. В юриспруденции губернатор был не слишком силен, зато был человеком прямым и говорил то, что думал. Когда на высшем уровне решался вопрос о Меарат га-Махпела, то этим «моком» были соображения политические, а не закон. А если что-то решалось на более

низкой инстанции, то «моком» было всего лишь настроение командира или офицера.

Постигнув эту механику, я понял: надо взять ответственность на себя и никого ни о чем не спрашивать. Действовать надо смело, при всем уважении к армии осуждать ее незаконные действия и, по возможности, стараясь не конфликтовать с нею, не отступать от своих намерений. И не бояться закона, поскольку совесть моя перед ним чиста. Пусть предают суду, из этого ничего не получится.

В Израиле принято бояться суда, ареста, заведенных на тебя дел. Меня же вероятность попасть под суд никогда не останавливала. Напротив, я даже хотел этого — чтобы получить трибуну, положить конец ситуации, когда еврейская власть запугивает евреев и не меняет порочных порядков, точнее — беспорядков. А их было много в Хевроне.

6. Изменение (бес)порядка в Меарат га-Махпела

Я решил начать с Меарат Га-Махпела.

Обратился к раву Левингеру. Что он думает о Меарат га-Махпела? Каково его мнение о том, что евреи могут прийти туда только как туристы? Устраивает ли это поселенцев Кирьят-Арба? Он особенно подчеркнул, что Меарат га-Махпела — «объект весьма чувствительный», догадываясь, видимо, что я собираюсь что-то предпринять.

— Не стоит тебе сейчас заниматься этим! — предупредил он меня.

Но я на этот счет придерживался другого мнения. Если бы я спросил рава: делать мне что-то или не делать, а он мне ответил — «нет», я, конечно же, должен был его послушаться. Но я попросил его только описать положение — каким его видит он? Поэтому я ничем не был связан.

После этого разговора я уже знал, что надо предпринять. Поговорил со своим сыном Элиягу — он учился в ешиве и хоть как-то разбирался в вопросах религии. Это было время летних каникул, когда Элиягу каждое утро ездил с Армони на хлопковые поля. Мы все продумали и приготовили заранее: когда спустимся в Меарат га-Махпела, наденем на себя цепи и привяжем ими себя там… Собственно, это были не цепи, а алюминиевые полосы от сохнутовской кровати. На вид они, как железные, но на самом деле гибкие и мягкие. Я нарезал полосы, просверлил в них дыры, надел замки.

Несколько дней ожидания были тягостны, особенно для сына, которому было всего 15 лет. Для психики подростка это большое испытание: пойти тайно в Меарат га-Махпела, святое для евреев место, не зная заранее, чем все кончится. Но я был спокоен и уверен в нас. Мой прошлый опыт в Советском Союзе, когда приходилось бороться с КГБ, закалил меня. Мы с сыном решили идти вдвоем (а если удастся, прихватить с собой и других людей), зайти в Меарат га-Махпела в дозволенные для посещения часы, и когда наступит время уходить, не выйти, а приковать себя цепями. Этакая форма пассивного сопротивления…

Я был убежден, что никакого закона не нарушаю. В Израиле существует закон, по которому запрещаются любые виды религиозного притеснения. То, что евреев не пускают в Меарат га-Махпела, — явное нарушение данного закона. Вот что хотелось мне подчеркнуть.

Я понимал, что нас могут арестовать, предъявить обвинения, и не строил иллюзий. Если власти охраняют порядок, значит, они чем-то руководствуются. По слухам я знал, что существует соглашение между Моше Данном и Джабри: эти два деятеля от имени двух народов решили, что Меарат га-Махпела останется мечетью, евреям же будет позволено приходить сюда, как туристам. На данном этапе я не собирался посягать на законность этого документа — позорного для еврейского народа, живущего в своем государстве. Я только хотел посмотреть на него! Потому что никто не видел этого документа. Пусть будет арест, пусть будет суд. Я хочу увидеть документ, услышать закон, на основании которого предъявят мне обвинение.

И вот настал тот день, когда мы смогли осуществить задуманное.

Случилась странная вещь: Элиягу вышел утром из дома, чтобы как обычно ехать с Армони, но опоздал. Он видел, как машина тронулась, кричал, бежал следом, но Армони его не услышал. Элиягу всегда был точен, а тут — Армони не подождал его. Потом он жалел об этом…

— Раз уж ты не уехал, — сказал я сыну, когда он вернулся, — чего нам ждать? Пойдем сегодня!

Оставалось решить еще две проблемы: сохранить секретность и найти спутников в Меарат га-Махпела, чтобы нас была целая группа.

Кого я мог пригласить? Мой выбор пал на рава Яира Уриэля, с которым я учил Тору. Это был тихий и мудрый человек. Не побоюсь сказать — «цадик».

Итак, я обратился к раву Яиру. Но не сказал — с какой целью. Я предложил ему пойти в Меарат га-Махпела помолиться. Он был достаточно умен, чтобы понять необычность моего предложения.

— Я вижу, ты что-то задумал, — сказал он. — Если с утра ты зовешь меня в Меарат га-Махпела, значит, что-то у тебя важное. Конечно, я с тобой пойду. Но надо, чтобы был «миньян», я приглашу еще евреев.

После полудня, приблизительно часа в три, мы с сыном пришли к его дому. Под рубашками у нас были спрятаны цепи с замками. Пришли еще три поселенца, и мы отправились в путь.

Всю дорогу до Меарат га-Махпела шли мы молча, никто нас ни о чем не расспрашивал. Я тоже ничего не говорил, никого не посвящал в нашу затею, чтобы, в случае чего, всю ответственность взять на себя.

В Меарат га-Махпела нас встретил рав Менахем Либман. Вместе с религиозными солдатами у нас составился «миньян». Молились мы долго, не спеша. Когда кончили «Минху»,

принялись читать «Тегилим». В четыре часа — время, когда евреев и туристов принято выпроваживать, подошли к нам солдаты, указав на часы. Рав Менахем Либман давал в это время урок Торы, и нам сказали:

— Ну хорошо, минут через десять-пятнадцать заканчивайте…

Тогда мы с сыном накинули на себя цепи, прикрепили их к дверям, ведущим к надгробию праматери Сары, защелкнули замки, достали Тору в переводе на русский и стали ее читать.

Раву Яиру я сказал,что мы отсюда не выйдем. Он, собственно, этого и ждал. Никому из присутствующих я ничего не предложил — ни остаться с нами, ни поддержать… И все ушли. Остались двое — рав Яир и рав Либман.

Солдаты не стали применять силу, но принялись настойчиво убеждать двух раввинов выйти. И когда те отказались уйти, вызвали по рации подкрепление. Через полчаса прибыл военный губернатор. А мы с сыном продолжали читать Тору — главу «Хаей Сара», где говорится о пребывании в Хевроне Авраама-авину и о покупке им у хетта Эфрона этой самой Меарат га-Махпела.

Губернатор однажды уже арестовывал меня. На сей раз с ним прибыла группа солдат, специально отобранных леваков. Правда, на лицах у них не написано, кто они, но по тому, как они были готовы наброситься на нас, как будто мы террористы или враги, — их мировоззрение сомнений не оставляло. И где таких только находят!

Губернатор, как мог, сдерживал их, а те продолжали орать: кто мы такие и почему создаем «проблемы»?

Подошла какая-то арабка, хотела поцеловать дверь, ведущую к могиле праматери Сары. Я вовсе не хотел ей мешать, но был «прикован» к двери и не мог отойти. Это дало повод новой вспышке гнева «правозащитников»: «Мало того, что вы тут торчите, вы не даете арабам молиться!».

Господи, какой это был «праведный» гнев, как они защищали «бедных» арабов! Если бы с тысячной долей этой энергии они боролись, защищая права евреев! Какое, скажите, у этой арабки право на могилу праматери Сары? Кто больше имеет прав — я или она?

Губернатор оказался на высоте — из уважения к святому месту надел берет. Он был человеком нерелигиозным, не очень образованным, университетов не кончал — обыкновенный мошавник.

— Тише, ребята, тише! — успокаивал он солдат. — Сейчас во всем разберемся. Подошел ко мне и стал что-то внушать. А я читал Тору и не хотел с ним разговаривать. Да и о чем мне было с ним говорить?

Солдаты бушевали, пытаясь до нас дотянуться, схватить, отодрать от двери. До них еще не дошло, что мы прикованы.

— Кто до меня дотронется, — предупредил я, — получит!

Силы наши были явно неравными. Зато решимости мне было не занимать. Что действительно было ужасно — люди напялили на себя форму солдат Армии Обороны Израиля, а ведут себя как погромщики и негодяи. Они что — получили такой приказ? Ведь на моих глазах губернатор их успокаивал. Значит, по собственной инициативе они так меня ненавидят?!

Губернатору на все его просьбы я ответил:

— Вам ничего не поможет, мы привязаны цепью — все равно не оторвете! А будете драться — отвечу силой на силу, это мое право.

Тогда они от нас отступили и принялись совещаться. Кто-то указал на нас пальцем: дескать, у него ключи в кармане. У меня действительно нагрудный карман оттопыривался. Они подбежали, достали ключи — я нисколько этому не сопротивлялся. Ключи там лежали фальшивые. Я это сделал умышленно, это была продуманная уловка.

Солдаты принялись ковыряться в замках. У них, понятно, ничего не получалось. Тогда ключи дали мне, чтобы я сам открыл. Я бросил их в соседнюю комнату, куда был разрешен доступ только арабам.

На некоторое время нас оставили в покое. Прошел уже час, и принесли целую связку других ключей… «Вот и хорошо, вот и хватит! — говорил я себе. — Для первого раза — достаточно. Я показал им, что не боюсь. Что останусь в Меарат га-Махпела вопреки их запрету. И пусть запомнят: отныне мы так и будем поступать! Мы придем еще раз! Приведем других людей, и будем оставаться, не признавая хамского требования изгонять нас из мест, где находятся еврейские святыни!»

Наконец подобрали ключи к обоим замкам, и меня с сыном вывели из Меарат га-Махпела. Внизу, у полицейской машины, стояли рав Яир и рав Менахем Либман. Нас, всех четверых, повезли в полицию.

7. Полиция и армия

Нас привезли в полицейский участок.

— Надо полагать, что рав Левингер будет доволен нашей акцией в Меарат га-Махпела? — обратился я к раву Яиру. — В Кирьят-Арба, наверное, переполох, ребята едут нас выручать?

Но рав Яир выразил сомнение по поводу того, что наши действия получат одобрение и поддержку рава Левингера .

Так и оказалось. Когда в полицию позвонил рав Левингер, в его голосе чувствовалось беспокойство за нас, но одновременно и недовольство нашим поступком. Хотя явного осуждения он не высказал.

Итак, мы находились в полиции, и каждый из нас вел себя соответственно своему характеру.

Сын мой Элиягу по молодости лет разыгрывал настоящий спектакль. Имени своего он следователю не назвал, допрос его шел туго. Полицейский нервничал, обращался ко мне, чтобы я «воздействовал на сына», и что-то записывал в протокол. Говоря по правде, относились к нам хорошо: часто устраивали перерывы, угощали арбузом, кофе, сластями. Затем снова приступали к допросу.

Рав Яир держался с большим достоинством — вообще ни на какие вопросы не отвечал. Он был как скала. Ни капли из него не могли выжать: ни имени, ни кто он и откуда.

Рав Менахем, напротив, сразу разговорился: назвался, рассказал, зачем пришел в Меарат га-Махпела, а заодно и прочел полицейским целую лекцию о связи еврейского народа с Хевроном.

А меня в полиции знали еще по прошлому аресту: нашли мое дело и все, что им было нужно, прочли. Я отвечал, что не имею понятия, почему меня арестовали. Никаких противозаконных поступков не совершал, порядков не нарушал, спокойно читал Тору. Более того, был привязан цепью, и это свидетельствует о том, что я не собирался ни с кем вступать в потасовку. Пришли какие-то люди, одетые в солдатскую форму. Они вели себя недостойно и старались выгнать меня.

Так все и записали, а потом вывели в вестибюль и велели сесть на скамейку рядом с комнатой, где вели допрос. В вестибюле висело огромное зеркало, во всю стену, и полицейские могли спокойно наблюдать за нами.

— Это только начало, — сказал я своему сыну. — Им надо дать понять, что нас не стоит арестовывать. Хорошо бы выкинуть какой-нибудь фокус.

— А что можно сделать?

— Ну… наши цепи, например. Они положили их в сейф и не заперли, мы можем их взять. Пусть знают, на что мы способны.

Проделали мы это очень просто. Я, вроде, направился в туалет, в конец коридора. Дверь там была открыта. Войдя в туалет, я, естественно, закрыл ее за собой. Но тут же открыл. Этого было достаточно, чтобы смотрящий в зеркало полицейский потерял нас из виду. Элиягу тем временем прошмыгнул в комнату, где нас допрашивали, взял цепь и сунул ее под рубашку. Я выхожу из туалета. А Элиягу выходит из комнаты и садится на свое место. Через некоторое время пошел в туалет он, а я проделал то же самое с другой парой цепей и тоже спрятал их под рубашку. Так мы унесли «вещественные доказательства безобразий в Меарат га-Махпела».

Нас отпустили домой. На следующее утро к нам явился полицейский, проводивший вчера допрос.

— Где цепи? — спрашивает.

Меня в это время дома не было. Дом они обыскали, тщательно осмотрели, но ничего не нашли. И тогда полицейский чисто по-человечески взмолился:

— Верните цепи! Комната ведь секретная, в сейфе всевозможные документы… Если я цепи ваши не положу на место, мне грозят крупные неприятности!

Потом он пришел еще раз, когда я был уже дома. И опять стал умолять: «Профессор, помогите!»

Я цепи отдал и сказал ему:

— Я понимаю, тебе грозят неприятности, поэтому отдаю. Хочу помочь тебе, как еврей еврею… А вот ты как еврей — понимаешь меня? Понимаешь, что я не преступник?

Впоследствии мы с этим полицейским стали друзьями.

И в следующий мой привод в полицию я был не один. Задержали нас с Элиэзером Броером, моим напарником по раскопкам в синагоге «Авраам-авину».

Когда нас привезли в полицию, я сказал Элиэзеру приблизительно то, что сказал своему сыну:

— Надо отбить им охоту нас арестовывать. Что бы такое придумать?

Начали мы с того, что поменяли местами таблички с надписями «туалет» и «начальник полиции». Мелкое хулиганство, которое мы могли позволить себе, прекрасно понимая, что нас не станут за это наказывать. Ареста мы совершенно не боялись: мы ничего не украли, никого не убили — раскапывали синагогу «Авраам-авину». Если уж надо кого арестовывать, то это тех, кто разрешил арабам держать скот в святом месте.

Потом мы взялись за более активные действия. Громадный Элиэзер наваливался телом на дверь какого-нибудь кабинета — с шумом, с грохотом. Там сидел полицейский чин, углубившись в бумаги, сосредоточенно писал. Вторжение наше было для него полной неожиданностью.

— Куда вы? Сюда нельзя, куда же вы? — принимался он бегать вокруг стола, размахивая руками, — я тут работаю, здесь бумаги, секретность!

На что Элиэзер невозмутимо отвечал, подойдя к окну и уставившись на улицу:

— Дай, начальник, бедному еврейскому заключенному поглядеть в окно, на волю! Еврею хочется поглядеть, что на свободе делается.

Потом принимался бродить по кабинету, брал папки со стола, листал бумаги, вчитываясь в написанное. Открывал шкафы, пробовал открыть сейф: «А что у вас тут интересного?»

Полицейский в тихой панике не знал, как от нас избавиться, как эту тушу выпроводить. Видя его страдания, Элиэзер, наконец, говорил примирительно:

— Ну хорошо, работай. Мы еще навестим тебя, мы еще придем в гости!

Потом он вламывался в другой кабинет, и начиналась та же история. Весь участок начинала бить лихорадка. Сделать они ничего не могли, от неожиданности только разевали рты, не в состоянии произнести ни слова: где это видано, чтобы арестованные так нагло себя вели? Посовещавшись, отослали нас домой.

В последующие аресты начальник полиции приглашал нас к себе в кабинет и, чтобы подольше удержать при себе, посылал какого-нибудь араба за кофе и начинал философствовать:

— Я ведь тоже еврей. Но форма меня обязывает! Под этой формой, — бил он себя в грудь, — еврейское сердце!

— Чего же тогда ты нас арестовываешь? — спрашивали мы его. — Мы не рентгеновский аппарат, чтобы разглядеть твое сердце — доброе оно или злое? Мы судим о твоем еврействе по факту: ты держишь нас в заключении!

Были у нас и другие приемы мотать полиции нервы. На эти выдумки Элиэзер был мастер.

Приближалось, скажем, двенадцать часов — время обедать. Столовой в полиции не было, и Элиэзер им заявлял:

— В это время в КГБ нам обычно предлагали поесть!

И нам приносили еду. Пища была с улицы, явно некошерная, и мы брезгливо от нее отказывались.

— Но мы же для вас старались! — начинали они

оправдываться.

— Это ваша служба, вам и положено стараться, — говорили мы им. — А есть это или не есть — уже наше дело…

Задают нам вопросы, а мы им говорим: «Ответа не будет». И полицейский записывает: «От ответа отказывается».

— Подпиши, — говорит, что от ответа отказываешься. А мы не подписываемся.

— Подпиши, — говорит, — что отказываешься подписать!

Мы продолжаем сидеть, не шелохнувшись. Минуту спустя полицейский пишет у себя в протоколе: «Подписать, что отказывается подписать — отказался…».

Или такое бывало. Просят нас заполнить какую-то анкету и обещают тут же отпустить. Более того — обещают дать машину, чтобы подбросила нас до самого дома .

— Не будем заполнять анкету, — говорим. — И вообще не уйдем отсюда .

— Конец рабочего дня, нам надо закрывать полицию.

— Это нас не касается. Мы страшно устали! — И Элиэзер всей своей слоновьей тушей разваливается на скамье. Элиэзера не поднять, не сдвинуть с места. Полицейским действительно пора домой. Им не хочется с нами связываться, не хочется нас злить.

— Нам здесь очень даже нравится, — говорит Элиэзер. — Оставьте ключи. Когда выспимся, отдохнем — сами закроем полицию, а ключи завтра вам вернем.

Полицейские уходят один за другим. Остается последний, и Элиэзер милостиво соглашается:

— Ну что же, если ты говоришь, что есть машина для нас, тогда вези. Но имей в виду — в следующий раз останемся ночевать в полиции.

Таким образом, мы наконец добились, что нас перестали арестовывать и приводить в участок. Дошло до того, что от нас шарахались, как от чумы. В связи с этим хочу привести весьма характерный случай.

Раскапывали мы синагогу «Авраам-авину». Вместе с нами трудилась в этот день и группа ешиботников — приятелей моего сына Элиягу. Добровольцы, разумеется, приехали поработать исключительно ради «мицвы» — святого, доброго дела. И тут приехала полиция. Ребят заталкивают в машину, а меня — нет. Меня они даже не замечают. Я подхожу к полицейскому и требую:

— Я тоже еду в полицию. Арестуй меня. Я копал наравне с ними.

— Нет! — говорит. — Ты не поедешь, оставайся здесь.

— Почему это — нет? — возмущаюсь я.

— Есть приказ тебя не арестовывать.

— Обязан арестовать, я поеду с ними!

— Нет, не поедешь, я здесь начальник, я командую!

— Ну что же, — говорю, — посмотрим! — Разворачиваюсь и бью его в грудь. Прямо при всем честном народе.

— Бить офицера?! — взревел он. — Арестую… — Но тут же вспомнил, сообразил, и сразу заулыбался: — Нет, профессор, не арестую, ничего тебе не поможет!

Так проходили в Хевроне наши аресты…Забирали в полицию наши лопаты, кирки и ведра. Затем возвращали обратно. Я относил их на кладбищенский склад.

Если отношения с полицией приняли вид какой-то игры, то с армией дело обстояло куда серьезней. В полиции со мной уже были хорошо знакомы и арестовывать перестали. А в армии солдаты и офицеры менялись каждый месяц, и они меня не знали.

Однажды мы с Элиэзером пришли по какому-то делу в полицию. Нас выслушали и велели остаться. На нас обоих заведено, якобы, дело. Меня обвиняли в нападении на солдата, а Элиэзер будто бы ворвался с оружием в арабский дом. Это была явная ложь, грязная клевета. Об этом случае я хочу рассказать поподробней.

… В тот день мы вели раскопки на месте синагоги. Был март, — грязь, мокро и сыро, сильный ветер, холод. Армейское начальство приказало к синагоге никого не подпускать. Тем не менее нам удалось уговорить дежуривших там солдат, и они позволили нам поработать. Солдаты оказались религиозными, с такими легко было договориться. «Мы будем копать, а вы не обращайте на нас внимания, вы нас не видели…»

Отгородили себе небольшой участок на территории арабского двора и стали потихоньку копать, стараясь быть незамеченными. А чтобы не подводить солдат, решили работу прекратить, когда придет их смена.

Вдруг появилась группа солдат; один из них с криком «Руки вверх, стрелять буду!» забежал на огороженную нами территорию и приставил к плечу карабин.

Поначалу мы растерялись, не понимая, что явилось причиной его агрессивности. Но быстро сообразили — это может плохо кончиться. Я расстегнул рубашку и говорю: «Сюда вот стреляй, здесь у меня сердце!». Элиэзер прекратил копать и встал с киркой в руке рядом с солдатом, чтобы в случае, если этот безумец решит стрелять, ударить по карабину.

Солдат вдруг сник, опустил карабин и расплакался. Сквозь слезы он объяснил нам, что их предупредили, будто здесь прячутся террористы, и не сказали, кто мы такие на самом деле. Находясь в состоянии крайнего напряжения, он был готов к

решительным действиям. Слава Богу, — чудом не выстрелил, вовремя понял, что мы евреи.

Это событие и было расценено, как нападение на солдата.

Стали снимать показания. Первым допрашивали того самого солдата. Был с ним какой-то сержант, который подсказывал ему, что говорить. Вел протокол полицейский по имени Мордехай, прекрасно знавший меня. Я вошел в кабинет, сказал, что хочу присутствовать при снятии показаний с солдата: Мордехай чувствовал, что в этом деле что-то нечисто, и не стал возражать.

Солдат мялся, бормотал что-то, путался. Было видно, что говорить неправду он не хочет, но чего-то боится.

— Имей в виду, за дачу ложных показаний тебе придется ответить по всей строгости. За все, что здесь будет написано, — предупредил я его, указывая на протокол.

То ли угроза моя подействовала, то ли совесть заговорила, но излагать все случившееся солдат стал так, как было на самом деле.

Когда протокол был солдатом подписан, его увели наверх, на второй этаж, в кабинет военного командира. Поднялся туда и я и увидел, как, прочитав протокол, командир изорвал его в клочья и стал писать заново. Почему он порвал документ и что написал — этого я не знаю.

Потом допрашивали меня. Затем Элиэзера. Против него никто не свидетельствовал. В тот вечер, по крайней мере…

К нам подошел сам начальник полиции Шауль и предложил:

— Я вас отвезу домой на своей машине.

Впервые он предложил нас отвезти домой на своей машине. Ему было совсем не по дороге: он не жил в Кирьят-Арба.

— Это уже никуда не годится, — сказал явно расстроенный Шауль. — Состряпали нападение на солдата, пренебрегая всеми правовыми нормами. Что же это творится?

— Не расстраивайся, все будет в порядке! — утешал я его. — Никакая провокация им не удастся, мы не боимся.

Забегая вперед, хочу рассказать, как Шауль по-настоящему мне раскрылся. Это было через несколько лет, когда я служил в армии, проходил милуим далеко от Кирьят-Арба. Шауль служил уже в тех краях начальником полиции. Увидев меня, обрадовался, как родному. Пригласил в участок, позвал коллег-полицейских, стал угощать. «Большой патриот! В Хевроне он совершал подвиги!», — говорил он им, расхваливая меня. А я сидел и диву давался: охотился за мной, ловил, арестовывал — между нами велась настоящая война! А тут — чуть ли не в любви объясняется.

Меня и рава Левингера хотели однажды арестовать. Дом Левингера был оцеплен солдатами. Я же «находился в подполье»

— меня искали, но не могли найти. А я попросту сидел в своей квартире. Полиция объявила, что найти меня не могут.

— Ты помнишь тот случай? — спросил я у Шауля. — Это правда, что вы не могли меня найти?

— Это я все подстроил, — спокойно признался Шауль в присутствии всех своих подчиненных. — Не хотел тебя арестовывать. Послал к тебе полицейского: «Иди, постучи к Тавгеру и уходи. Скажешь, что нет его дома».

Действительно, я слышал стук и не открыл, зная, что есть ордер на арест меня и рава Левингера…

Но вернемся к Меарат га-Махпела. Что же произошло после того, как я с сыном Элиягу приковали себя цепями к двери?

На следующий день евреи пришли туда большой группой и не торопились уходить. Так продолжалось неделю. Порядок с допусками и посещениями в определенные часы никем не соблюдался.

Особенно выделялась своим неповиновением Сара Нахшон. Та самая, у которой умер полугодовалый младенец. Она приходила в Меарат га-Махпела и долгими часами читала «Тегилим». Никто не беспокоил несчастную женщину. Надо полагать, что солдаты получили инструкцию не выгонять Сару. Она входила туда утром и оставалась до вечера.

Естественно, с ней были другие евреи, тоже читали «Тегилим», молились, учили Тору. Она была как бы ядром, вокруг которого постоянно собирался народ: одни уходили, другие приходили.

Евреи молились преимущественно в зале, где была гробница праотца Авраама. Это небольшой зал, где можно было запереться изнутри. Там стоял «арон га-кодеш» со свитком Торы. Рав Яир и рав Либман находились здесь постоянно. Всем казалось, что победа близка: весь мусульманский мир может провалиться сквозь землю — евреи не уйдут из Меарат га-Махпела.

Но вот однажды ночью я услышал громкий стук в дверь своей квартиры.

— Рав Левингер призывает всех спуститься в Меарат га-Махпела!

Я очень удивился. В час ночи идти в Хеврон! Но все же вышел на улицу и присоединился к остальным. По дороге выяснилось, что арабы порвали покровы с «арон га-кодеш». И вот — в знак протеста, рав Левингер созвал евреев в Меарат га-Махпела.

Когда мы пришли, все двери были заперты, входы и выходы усиленно охранялись солдатами. Но кто-то из наших уже находился внутри. Мне тоже удалось присоединиться к ним. Тем временем солдаты получили подкрепление, и нас принялись

выволакивать — за руки, за ноги… Схватили и меня, тоже стали тащить. Я не оказывал сопротивления, меня тащили двое. Со всех сторон слышались крики возмущения, где-то вспыхнула драка, у кого-то шла кровь носом, на ком-то порвали одежду. Зрелище было тяжелым. Но горше всего было сознавать, что все наши усилия пошли прахом.

На другой день положение ухудшилось: в Меарат га-Махпела нагнали солдат видимо-невидимо. Прежний порядок соблюдался со всей строгостью. Оставаться на минуту дольше, чем это положено, уже никто из евреев не мог.

В следующую субботу в Меарат га-Махпела явился генерал Варди, ответственный за порядки в Иудее и Самарии. Варди взял табурет и демонстративно уселся посредине зала, давая понять, что ровно в одиннадцать часов все евреи будут удалены и что любые возражения бесполезны. Все евреи молились, а Варди сидел, как идол, бесконечно далекий от религии. В эту субботу у мусульман был какой-то праздник, и Варди решил перед ними выслужиться.

Я подошел к генералу и сказал: если он не молится, то и сидеть ему здесь нечего. Пусть уходит отсюда, не мешает остальным и не создает нервозной обстановки.

Тут ко мне подбежали. Принялись успокаивать, говорить, что Варди — тоже еврей, пусть сидит. Но в том-то и дело, что он пришел сюда не как еврей, не в поддержку нам, а как противник, дожидаясь минуты, когда нас можно будет выставить. Мне не поправилось, что меня не поддержали. Но я никогда со своими не спорил. Единодушие — важнее всего. И ради того, чтобы сейчас ни с кем не спорить, отошел от Варди.

И тут случилось непредвиденное: Варди поднялся и вышел из Меарат га-Махпела. Не знаю, что с ним произошло, но факт — поднялся и вышел. Не обозлился, не стал натравливать на меня солдат. Мы потихонечку разошлись.

Это был не единственный случай, когда у меня возникали разногласия с некоторыми жителями Кирьят-Арба по поводу отношения к солдатам и офицерам.

Как-то я сказал губернатору Блоху, что такого положения, как в Хевроне, нет и не могло быть нигде в мире, кроме, может быть, гитлеровской Германии. Присутствовавший при этом житель Кирьят-Арба очень обиделся за Блоха и даже расстроился. И говорит мне: «Как ты можешь проводить такое сравнение! Он же офицер, ты его оскорбляешь. Я тоже офицер и гарантирую тебе, если бы я, будучи в форме, что-то подобное услышал — то немедленно просто дал бы этому человеку затрещину!».

Признаюсь: когда я говорил такое военному губернатору, я

действительно хотел его обидеть. Хотел встряхнуть его, задеть его правдой.

Кстати, к тому времени я был уже достаточно хорошо знаком с Блохом и был уверен, что он меня не ударит. Несмотря на свою физическую силу… А тот, который мною возмущался, — он бы тоже меня не тронул, у него-то как раз просто сил бы не хватило.

Обычный подход жителей Кирьят-Арба к солдатам, которых посылали арестовывать поселенцев, не давать им молиться и т.п., — нужно солдатам все разъяснить. И начинаются разговоры с солдатами и офицерами, поучения, пререкания. Мне всегда было очень не по себе все это выслушивать. К тому же, эти пустые толкования ни к чему хорошему не приводили. Солдат они только нервировали — неприятно солдатам чувствовать себя провинившимися школьниками, которым читают нотации. И не раз дело доходило до потасовки.

Со мной и с моими ребятами никогда такого не случалось. Не было долгих разговоров, не было ни одного удара. Даже тогда, когда солдаты нас арестовывали.

Вскоре после событий в Меарат га-Махпела состоялась встреча делегации представителей Кирьят-Арба с Шимоном Пересом, в то время министром обороны, и его резиденции в Тель-Авиве. Я тоже был включен в состав делегации. Возглавлял ее рав Левингер. Во время встречи высказывались различные мнения, обсуждалось положение поселенцев, позиция армии по многим вопросам.

Обе стороны предъявили взаимные обвинения, подчас в недопустимом тоне. Громче всех возмущался рав Левингер. Видно было, что весь ход встречи производит гнетущее впечатление на министра обороны. Я думаю, что это был не первый его разговор с равом. Левингер говорил о надругательстве арабов над покровом с «арон га-кодеш» и подчеркнул, что если бы такое случилось в галуте, в довоенной Польше, например, на это бы откликнулось все мировое еврейство.

— Но это случилось в Израиле, при еврейской власти! — воскликнул он с возмущением.

Это окончательно вывело Переса из себя. Да, кричал он, ему прекрасно известно, что было в Польше в тридцатые годы. Как рав Левингер может сравнивать?

Покуда они обменивались упреками, я вдруг стал понимать, что Перес по многим вопросам просто не в курсе дела. Тогда я задал министру прямой вопрос: откуда к нему поступает информация о положении дел в Хевроне? Почему он решил, что мы ведем себя грубо по отношению к властям? Уверен ли он, что источник его информации надежен и объективен?

— Вся информация поступает ко мне от военного губернатора, — сказал он, не чувствуя подвоха. — Источник, как видите, совершенно надежный!

Я ему тут же ответил, что это лицо необъективное. Все его донесения — в пользу арабов, а не евреев. Это в высшей степени странно.

— Вам бы приехать в Хеврон самому и там, на месте, во всем разобраться!

Перес пообещал, что приедет. Надо сказать, что слово свое он сдержал и спустя некоторое время действительно побывал в Хевроне.

В конце совещания, уже уходя, я заметил министру обороны, что мы, приехавшие из России, никогда не могли подумать, что в Израиле есть места, где евреям запрещено появляться. Мы даже представить себе не могли такое. Да еще по приказу израильских властей! Рассудок с этим смириться не может!

— Ага! Вы сейчас приезжаете! — закричал Перес. — А где вы были раньше, когда мы строили страну, когда мы здесь воевали?

Это заявление было чистой воды демагогией. Что я на это мог ему возразить? У меня от неожиданности пропала вся охота с ним разговаривать.

И все-таки после той встречи я понял, что с ним можно иметь дело.

8. Кладбищенский сторож

Летом 1974 года мне предоставилась возможность освоить новое ремесло — кладбищенского сторожа.

Сложилось так, что дело с открытием лаборатории затягивалось на неопределенный срок, а денег не было. Нехватка средств привела к тому, что я стал вегетарианцем поневоле. И когда Эди Дрибин, ответственный за охрану детских учреждений в Кирьят-Арба, предложил мне новую должность, я согласился. Хоть какой-то источник заработка.

Прошлое Эди Дрибина окутано легендами. Прибыл он из Америки, воевал в Корее, служил там следопытом. В мирной жизни — ковбой. Еврей-ковбой, что может быть необычнее? Приехав в Израиль, Эди с семьей жил в пещере, пас овец, объезжал коней на киббуцных фермах. Его мечтой было собственное дело: свое ранчо, коровы, быки, пастбище… В 1968 году он «набрел» на поселенцев Кирьят-Арба и прочно осел здесь. Сейчас он был ответственным за охрану школ и детских садов, полный надежд, что ковбойская мечта его рано или поздно осуществится.

В доме Эди Дрибина я встречал самых разных людей. В основном это были парни и девушки из Америки и России — недавние олим: люди с горячими сердцами, готовые на любые трудности и подвиги. Сионисты в самом высоком смысле этого слова. Их мало интересовали материальные блага. Более того, большинство американцев, как правило, были детьми зажиточных родителей. Это были идеалисты, близкие мне по духу и потому — удивительно симпатичные мне. Эди со своей компанией готовили себя к тому, чтобы поселиться в сельской местности и добивались у государства участка земли где-нибудь в степи, в пустыне или в горах, чтобы разводить скот, заниматься виноградарством. А его единомышленники, олим из России, со временем хотели к нему присоединиться.

Посещая дом Эди Дрибина, я участвовал в беседах с его друзьями. Мы всегда сходились во мнении, что надо менять положение в Хевроне. Это недопустимо, чтобы евреям был в своей стране запрещен доступ куда бы то ни было («юденрайн»). Ходить с опаской по своей земле — это безобразие и позор. Мы устраивали походы в Хеврон и его окрестности. Шли с оружием, большими группами, смеясь и беседуя, демонстрируя перед арабами присутствие здесь законных наследников праотца Авраама, которому Всевышний завещал эту землю.

Мы ходили по базару, посещали магазины — пусть арабы

видят, что нас много, что мы можем встать на защиту любого из наших. На фоне физически крепких парней и девушек я выглядел, естественно, пожилым. Несмотря на это, вполне вписывался в их компанию — ходил наравне с ними по горам, случалось, бегал, не отставая от молодых.

Как возникла необходимость в должности сторожа на древнем хевронском кладбище?

Я уже рассказывал, что у Сары Нахшон умер ребенок. Семья решила похоронить его именно здесь. Это был уже второй случай смерти в Кирьят-Арба. Первым, несколько лет назад, умер старик по фамилии Бен-Хеврон, проживший чуть ли не сто лет. Судя по его фамилии, он крепко был связан с этими местами: родился в Хевроне, жил в еврейском квартале возле синагоги «Авраам-авину». Уцелел и спасся во время погрома 1929 года. После Шестидневной войны семейство Бен-Хеврон поселилось в Кирьят-Арба. Вернее сказать — вернулось вместе с престарелым отцом. Когда он скончался, военная администрация не позволила похоронить его в Хевроне, на кладбище предков. Погребли его в Иерусалиме.

И вот возник тот же вопрос — семейство Нахшон хочет похоронить ребенка в Хевроне. На это полагалось иметь разрешение. Было ясно, что разрешения не дадут, даже просить об этом было бессмысленно.

— Живым здесь не дают возможности жить спокойно. Так пусть мой ребенок положит начало еврейскому присутствию в Хевроне! — решительно заявила убитая горем Сара.

Семейство Нахшон отличалось упорством. Они вообще не спрашивали ни на что разрешения. Когда у Сары родился сын, она сделала ему обрезание в Меарат га-Махпела. Втайне от военного губернатора.

Разрешение на похороны запросило руководство Кирьят-Арба. Последовал отказ. Более того, в Кирьят-Арба были вызваны дополнительные армейские части, установившие посты на всех дорогах, ведущих к кладбищу.

Сара не стала ждать развития событий, а взяла на руки труп ребенка, прошла окольной тропой и вышла из Кирьят-Арба через задние ворота. Солдаты же находились у центральных ворот, ожидая процессию.

Когда Сару с ребенком обнаружили на кладбище, тут же сообщили военному губернатору. Тот в панике запросил по рации министра обороны: «Что делать? Можно ли применять силу против матери, стоящей у открытой могилы с мертвым ребенком на руках?!».

Шимон Перес дал двусмысленный ответ:

— Силу не применять! Разрешения на похороны не давать!

И Сара похоронила своего ребенка у входа, на самом краю кладбища.

С этого дня на кладбище установили дежурство. Несколько недель добровольцы из Кирьят-Арба охраняли свежую могилу, чтобы, не дай Бог, ее не осквернили.

В эти самые дни Эди Дрибин и предложил мне работу в своей охранной команде.

Каждое утро, в половине восьмого, мы собирались на центральной площади Кирьят-Арба, и Эди назначал людей на объекты. Меня он посылал на кладбище, чем я вполне был доволен, поскольку это было связано с кое-какими моими планами.

Как правило, он назначал на кладбище двоих. Из соображений элементарной безопасности: кладбище далеко, в другом конце Хеврона. Идти предстояло пешком через весь Хеврон, узкими улочками, переулками, чтобы лишний раз продемонстрировать еврейское присутствие в кишащем арабами городе. Поэтому вдвоем мы чувствовали себя уверенней, да и веселее.

Моим постоянным напарником стал Шалтиэль. Определенных обязанностей у нас не было, только сторожить кладбище, приходить утром и возвращаться к вечеру. Ночью там никого не было, и если бы кто-то захотел набезобразничать, то мог это сделать беспрепятственно.

Формально сторожем числился араб по имени Хусейн. Военная администрация платила ему зарплату. Но в чем заключалась его работа — сказать не берусь. Так это было до тех пор, пока Сара Нахшон не похоронила своего ребенка. Пришли мы, сторожа-евреи, стали здесь наводить порядок.

Картина, представшая нашему взору, была ужасной. Надгробные плиты были свалены, разбиты. Арабы использовали их для своих строительных нужд. Большая часть территории была занята под огороды и виноградники. На ашкеназском участке были высажены фруктовые деревья.

Сам сторож Хусейн собирал здесь обильный урожай. Как только мы пришли, сразу же дали ему понять, что деревья на еврейских могилах больше расти не будут.

Первым делом мы выкорчевали весь виноградник. Сторож Хусейн, восседая на стуле, хмуро наблюдал за нами своим единственным глазом. Взгляд Хусейна выражал смешанные чувства, но он молчал.

Затем мы спилили весь фруктовый сад на ашкеназской части. Инициатором и главным исполнителем был Шалтиэль. Он принес

пилу и принялся за работу. (Тогда я еще не знал, что он замечательный столяр; несколько лет спустя я заказывал у него мебель и убедился в этом.) Я тоже брался пилить, но быстро уставал, и дело у меня шло туго. Несмотря на это, работа мне доставляла удовольствие. Вспомнилось детство: когда-то в родительском доме мы строили сарай, погреб, и я орудовал пилой. Теперь пришлось учиться этому заново.

Кладбище было границей Хеврона, его юго-западной окраиной. Время от времени мы с Шалтиэлем совершали вылазки в окрестности, уходя с каждым разом все дальше и дальше. Военных постов ни на кладбище, ни за его пределами не было. Евреи вообще не ходили так далеко.

Мы заходили в арабские дома и дворы. Тут мой напарник был незаменим. Немного владея арабским, он запросто вступал в разговор, легко заводил знакомства. Был остроумен, шутил, всегда находил интересную тему для разговора.

То он искал виноград для покупки, то предлагал продать какие-то вещи. Торговля как таковая почти не велась, зато был повод для знакомства. Мало-помалу все привыкли, что здесь гуляют евреи, и это арабов не удивляло.

Часто мне приходилось слышать от поселенцев в Кирьят-Арба, что Шалтиэль «человек несерьезный, нельзя на него полагаться». Сам Эди Дрибин не раз и не два предлагал мне взять в напарники человека, который бы «соответствовал моему интеллекту». Тогда я в шутку осведомлялся, не ведет ли он переговоры с Ювалем Неэманом? Всем этим советам и нашептываниям я не придавал значения. Меня вполне устраивало общение с человеком приятным, полезным, в высшей степени легким.

Шалтиэль не был, конечно, человеком серьезным. Но и легкомысленным я бы его не назвал. Он просто был веселого нрава. Именно с человеком такого склада можно было запросто заходить в любой двор, спускаться в пещеры, где пастухи пасли овец, заглядывать в любые заброшенные развалюхи. Как бы шутя и балагуря, мы тщательно все исследовали, все замечали. Эти места могли служить идеальными тайниками для оружия, убежищами террористов.

Спилив фруктовые деревья, Шалтиэль нашел себе другое занятие — разбирать каменную ограду вокруг кладбища. Сначала я ничего не понял. Даже выразил недовольство по этому поводу. Из камней, которые он разбрасывал, были сложены террасы, препятствующие размыву почвы во время дождей. Но оказалось, что Шалтиэль в буквальном смысле сделал открытие.

Очень скоро мы извлекли камень необычного вида. На

гладкой, полированной стороне были высечены еврейские буквы. Стало ясно, что это часть надгробной плиты. Поскольку на кладбище в Хевроне, как правило, не писали имен на могильных камнях, мы поняли, что это — обломок плиты с братской могилы погибших во время погрома. Только эти могилы были исключением из общего правила.

Итак, если мы хотим найти остальные пропавшие плиты, надо разбирать всю ограду. Я предложил Хусейну, чтобы он нам помог. Помощь его заключалась в выравнивании земельного склона. Лучше него никто бы с этим не справился.

Шалтиэль нашел на кладбище кипарисовые деревья и стал пересаживать их на место каменной ограды. Он ухаживал за ними, поливал. С этого началась зеленая стена, что нынче стоит там.

Для полива требовалось много воды. Шалтиэль предложил вырыть большую яму, чтобы в сезон дождей собирать воду. Было лето, дождей, понятно, никаких еще не было. Копать мы попросили Хусейна, а землю вывозили сами. Но мало было собрать воду, ее требовалось еще и сохранить. Шалтиэлю пришла в голову мысль — привезти из Кирьят-Арба огромные пустые баки. Вода бы в них скапливалась и не уходила зря в почву.

Мы привезли баки, трактор нам дал Эди Дрибин. Вставили их в открытую яму, забетонировали, и когда пошли дожди, у нас было вдоволь воды для самых разнообразных нужд.

Корни, оставшиеся от виноградных лоз, оказались весьма коварными: они прорастали то тут, то там. Стало ясно, что их надо выкопать и истребить. Работа эта была невероятно трудной. Корни ушли далеко вглубь и под землей разрослись во все направления. Снова мы попросили заняться этим Хусейна. Он здесь оказался незаменим. Поглядев на корень своим единственным глазом, он тут же определял, в какую сторону надо копать, куда идут ответвления. Этот пожилой араб имел богатый жизненный опыт. Я никогда не принуждал его, не устанавливал норму. Стоять возле него и «капать на нервы» не было никакой необходимости. Ему нравилось, что мы с Шалтиэлем не надзирали за ним, а сами работали в поте лица.

С нашим появлением на кладбище Хусейн, разумеется, лишился всех своих привилегий. Мы спилили его фиговые деревья, уничтожили виноградник — солидные статьи дополнительного дохода. Он пытался собрать для себя хотя бы сухие ветки, но мы и это ему не позволили, а все сожгли. Тогда он хотел поживиться виноградными листьями, чтобы варить голубцы. Я ему объяснил, что с кладбища ничего нельзя брать для житейских целей. Это надругательство над памятью мертвых.

— Вы на арабских кладбищах разводите виноград? — спросил я его. — Выращиваете сады?

Иврита старик не знал, так же как и я не знал арабского, но он меня понял прекрасно.

Однако не все шло гладко у нас на кладбище.

Раз в неделю я ездил в Иерусалим, в Технологический колледж. В эти дни меня заменял Элиэзер. Он только что закончил службу в армии. То ли он, то ли Шалтиэль попросили Хусейна выкорчевать еще одну длинную лозу. Их было на кладбище около пятидесяти. Хусейн заупрямился, началась ссора. Хусейн поехал жаловаться в полицию. На другой день, когда я пришел на кладбище, там уже находились следователи, было заведено дело и шел допрос.

Я стал объяснять, что скорее всего произошло недоразумение. Ни я, ни Элиэзер не знаем арабского. Вероятно, Элиэзер хотел руками показать, как надо работать, а Хусейн не понял его. Кто-то кого-то нечаянно толкнул, вот и возникла ссора. Мы сами, без полиции, разберемся между собой. Так и решили, и Хусейн взял назад свое заявление.

Когда полиция уехала и мы остались одни, я как мог объяснил Хусейну, что мы не дети, можем сами любой вопрос уладить. В дальнейшем, когда на кладбище работали другие люди, молодые ребята, часто помогавшие нам, все недоразумения мы улаживали на месте.

Корчевка виноградных корней подходила к концу. И тут на кладбище появился представитель военной администрации. Стал подсчитывать и записывать, сколько лоз мы уничтожили, сколько спилили деревьев, каковы размеры огорода, где выращивались помидоры и огурцы. Словом, какой ущерб мы причинили арабам. И обвинил нас в том, что это было сделано без разрешения.

Впрочем, уголовного дела они завести не посмели. Кто мог убедить меня, что на еврейском кладбище можно разводить сад-огород? Израильские власти находились в Хевроне с 1967 года, а сейчас шел год 1975. Почему власти сами не позаботились об этом?

Мне никто не смел возразить. Пожурили немного, и на этом все кончилось.

Итак, виноградники уничтожены, деревья спилены, огороды исчезли. Можно было приступать к общему благоустройству кладбища.

Работу по поиску надгробий пришлось отложить. Технически нам это было не под силу. Предстояло разобрать гигантские террасы шириной в два и высотой в полтора метра. Мы просто понятия не имели, куда девать землю, что делать с камнями?

Возьмись мы за эти работы, все кладбище было бы разворочено. Здесь нужен был план, серьезный и основательный подход. Однако расчистить территорию от гор мусора, скопившегося за долгие годы, — это мы могли.

В той части кладбища, где арабы занимались сельским хозяйством, царил относительный порядок и было чисто — свои огороды они не захламляли. Но на каменистых участках, где похоронены великие раввины и цадики, была настоящая свалка.

Метод, который я придумал, был очень прост. Я шел по краю ограды, подбирал с земли все, что валялось, — куски железа, тряпки, полуистлевшую обувь, — и перекидывал обратно в арабские дворы. Бросать старался довольно далеко, чтобы попасть не просто во двор, а в дом, в окно, в дверь. Арабы выскакивали, возмущались, кричали, а я говорил, что возвращаю им их же мусор.

Хусейна я тоже научил этому. Сначала я думал, что он откажется, опасаясь вступить в конфликт с соседями. Но нет, Хусейн не стал возражать и принялся работать вовсю, еще старательней моего целясь в дома и окна.

Кончилось все это всеобщим согласием. Поскольку моей целью было очистить кладбище, а наших арабских соседей — чтобы мусор не оставался у них во дворах, то каждая арабская семья стала посылать ко мне своих ребятишек. Я давал им лопаты, тачки, и они весь хлам увозили. Мусор мы собирали в кучи и поджигали. А заодно и сухую траву, придававшую кладбищу неприглядный, запущенный вид.

Осколки от могильных плит, разбросанные по всему кладбищу, извлеченные из каменных террас, стали предметом моих особых забот. Часами я сидел, склеивая и реставрируя их, стараясь прочесть высеченные на них имена. Мне удалось восстановить 26 надгробий.

В этой работе мне помогали друзья и знакомые, а порой — просто случайные люди, в чьих сердцах была скорбь и боль за то, во что превратилось еврейское кладбище. Я никогда не стеснялся предложить людям поработать на кладбище. Не просто поглядеть, поплакать, а собственными руками что-то сделать. И никто никогда мне не отказывал.

9. Начало больших раскопок

Подошло время, когда я почувствовал, что готов к осуществлению еще одной части своих планов — закрепиться в старом еврейском квартале Хеврона.

Все чаще и чаще я проходил с Шалтиэлем по «касбе», где находились два входа в бывший еврейский квартал. Примечал, прикидывал, рассчитывал: — каково настроение арабов, как они реагируют на еврейское присутствие. По субботам я появлялся в этих местах один или с компанией американцев, возглавляемых Эди Дрибиным.

По рассказам старожилов, по книгам и альбомам я выяснил, где располагалась знаменитая синагога «Авраам-авину». Это место было огорожено сетчатым забором из проволоки и служило загоном для коз и овец. Изгородь когда-то поставила военная администрация. Не было никакого указателя, никакой надписи, извещавшей о бывшей синагоге. Зато были дыры в сетке, были ворота, через которые овцы свободно туда проникали. И никаких остатков строения, развалин. Вся территория была загажена навозом и мусором.

Началось с того, что я позвал с собой Шалтиэля и сказал ему, что хочу заменить замок, что висел на воротах. Тут же на базаре попросил у одного араба молоток и предложил Шалтиэлю сбить старый замок.

Нашим следующим шагом было установление мемориальной доски. Этим преследовались две цели: евреи, туристы и все посетители будут знать, что здесь находилась синагога. А для арабов это постоянное напоминание об их вине.

Вывеску я заказал в Иерусалиме на собственные деньги. Краткий текст ее гласил примерно следующее: «Здесь была синагога, построенная в XVI веке, просуществовавшая до 1929 года и разрушенная арабскими погромщиками».

Я понимал, что такая вывеска многим придется не по вкусу. Будет колоть глаза военной администрации. Ее могут сорвать арабские хулиганы. Однако почему такая вывеска не должна висеть? Почему за восемь лет израильской власти ее не установили военные, полиция, министерство религий, общество охраны природы?

Арабов, живущих по соседству, я попросил присмотреть за моей вывеской. Они отказались, сославшись на то, что не всегда дома, что вывеску могут утащить ночью, когда они спят, и потому никто не ручается за ее сохранность.

Несмотря на это, вывеска провисела месяц, а потом вдруг

исчезла. Мы уже вовсю копали… Пришли соседи-арабы и сказали:

— Наши здесь не при чем! Вашу вывеску унесли солдаты.

Я тут же подал жалобу в полицию. Пропало, дескать, мое имущество! Зявление в полиции не хотели брать. Они, видимо, тоже всё знали, но не хотели впутываться. Дежурного офицера не оказалось в участке. Пришлось поехать к нему домой, извлечь его мокрого из ванны и вручить заявление.

После этого я спокойно отправился в здание военной администрации. Едва войдя туда, я сразу заметил вывеску. Но сделал вид, что ничего не вижу, и обратился с официальной жалобой. Мне ответили, что, мол, имеется план сделать вывеску большего размера и с более развернутым текстом. И в самом деле, в скором времени поставили огромный щит, который простоял несколько лет. Его видно было издалека, но из текста, написанного на трех языках — иврите, арабском и английском — нельзя было толком ничего понять, куда синагога делась, кто ее разрушил.

Появились подобные вывески и в других еврейских местах: возле ешивы «Слободка», при бывшей больнице «Хадасса». Но ни слова про арабов, чьими руками это всё было разрушено. Меня часто спрашивали: «Здесь что — было землетрясение?» И было стыдно за наши военные власти. Поди объясни каждому, что здесь устроили погром арабы. На месте, где была синагога, теперь овечий хлев и общественная уборная. На кладбище те же арабы завели огороды и выращивают помидоры и виноград! И это на прахе погибших! А больница «Хадасса» давно стоит пустая и запущенная. Там, где была ешива «Слободка», живут арабы, захватившие дома и имущество евреев.

И все-таки это был успех: администрация сама заказала щиты и надписи. Мне, с моими скудными финансовыми возможностями, это было не по карману.

Совершенно один, с лопатой и корзиной в руках, я стал приходить к синагоге и ежедневно расчищать ее, в строжайшей тайне от всех. Работа была нелегкой — я разгребал навоз, собирал всевозможные банки и склянки. Арабы прямо здесь же закалывали скот, и было полно костей, гниющих кишок, шкур. Попадались и трупы мелких животных. Порой я задыхался от зловония.

Помогать мне вызвались арабские ребятишки из соседних домов. Я платил им за это мелочь — на сласти и орехи. Ребятишки эти, восьми-двенадцати лет, были менее брезгливы, чем я, а может, привыкли к этим запахам. Так продолжалось недели две, ребята относили подальше трупы кошек, всевозможную рвань и гниль. Стало полегче дышать, я уже не

надевал марлевую повязку. Соседи-арабы привыкли ко мне, не так удивлялись, как раньше, глядя на мою работу. Если я здесь копаю, думали они, то, стало быть, есть на это разрешение от военных властей и полиции.

Когда меня впервые пришли арестовывать, я видел их недоуменные лица: «Как же так? В чем дело? Мы были совершенно уверены…»

Появился какой-то араб, стал предъявлять мне претензии, дескать, он, владелец этого загона, вовсе не возражает, чтобы я здесь копал или проводил работы по очистке, но ему полагается денежная компенсация.

Об этом арабе я знал уже, он жил в совершенно другом месте. У него имелся договор с военной администрацией на аренду этого участка под овечий загон.

«Ай да молодчик! — подумал я. — Прекрасно знает, что здесь святое для евреев место, что это синагога, а устроил загон для скота! Набрался наглости требовать у еврея денежной компенсации… Нет, так не пойдет, этот негодяй должен понести наказание за осквернение Божьего имени — наказание на земле и наказание на небе! Ишь чего захотел?! Чтобы я заплатил ему деньги!»

— Какие у тебя права? — спросил я его. — Почему хозяин этого места ты?

Араб вытащил пачку документов — договор с военной администрацией на год. Ежегодно этот договор возобновлялся — бумажек этих у него была целая куча; сумма за аренду — тридцать семь с половиной лир.

— Пойдешь со мной в Кирьят-Арба, — сказал я ему. — Я плохо разбираюсь в юридических тонкостях, надо спросить у сведущих людей.

Я давно ждал этого араба. Знал, что придет, будет «качать права». Договорился заранее с ребятами в Кирьят-Арба, у нас все было подготовлено. Ребята «поговорили» с ним, и он получил по заслугам.

Потом он жаловался в полицию. К жалобе была приложена справка из больницы о «нанесенных побоях». Впрочем, он быстро понял, что ему еще повезло. За то, что устроил загон для скота на месте еврейской синагоги, его следовало убить. Это не я так считаю, таков арабский закон: осквернение святого места — самое настоящее злодеяние.

На следующий день, когда я, как обычно, копал, меня окружили арабы и стали выражать возмущение — почему евреи избили этого араба. Я объяснил им, что он еще легко отделался. Мусульмане его живым не выпустили бы. А вот евреи —

простили. Слегка намяли бока и простили… Только евреи могут прощать. Тут завязался спор: знал ли он, что здесь раньше было, или не знал? Если знал — значит, положено, а если нет — то зря избили человека.

Побитый хозяин загона был тут же и утверждал, что место, которое было отдано ему под аренду — женская часть синагоги. Поскольку у арабов в мечети нет разделения на женскую и мужскую половину, то он считал, что его загон стоит вне святой постройки.

— Тут еврейская синагога и действуют еврейские религиозные законы, — отвечал я. — То, что ты этого не знал — твоя проблема …

Все со мной согласились и мирно разошлись. С тех пор претензий со стороны арабов больше не было, и я спокойно копал. Копал месяцы, годы — вплоть до полного восстановления синагоги, с полного согласия арабских соседей.

Теперь о евреях… Евреи мне могут сказать, что араб зря пострадал. Что скот он держал в синагоге на основании договора, и этот договор ему выдала сама же еврейская администрация. Ее-то и следует наказать! Согласен! Я не снимаю ответственности с еврейских властей. Что же касается того араба, то, по моему мнению, совесть моя чиста. Каждый человек, если у него нормальная психика, должен понимать, что там, где молились, скот держать нельзя! А тот, кто прикидывается, что он этого не понимает, должен за это отвечать. Наказание, которое он получил — минимальное. Пусть арабы Хеврона знают, что мы не так слабы, как они думали, и не так наивны, чтобы все забыть.

Я обратился к парням из ешиват-гесдер с просьбой помочь мне в раскопках, и те охотно откликнулись. В назначенный день они все пришли. Я был не один, а с Хусейном. Набралось человек десять — приличные силы. Я обратился к Хусейну:

— Давай копать по-настоящему! Ты человек опытный, погляди, с чего бы нам начать.

Араб внимательно оглядел участок. Подошел к едва заметному выступу, обстукал его и принялся орудовать киркой. Показалась каменная кладка, и сразу же стало ясно, что отсюда и следует начинать. Хусейн наполнял корзины доверху, а я и парни из ешивы уносили их подальше.

Наконец обнажилась часть стены: внутренний угол дома или комнаты. Хусейн принялся копать вглубь. Я сказал, что надо идти вдоль стены, чтобы максимально выявить очертания синагоги. С этого дня раскопки стали целенаправленнее. Скоро мы обнаружили ступени, которые вели вниз. Соседи-арабы, наблюдавшие за нами, подсказали, что это северный вход.

Мы с Хусейном приходили на раскопки каждый день. Утром, к началу дежурства, я являлся на кладбище. Хусейн уже ждал меня. Я просил Шалтиэля подежурить, и мы с Хусейном спускались вниз, в Еврейский Квартал. Все это отнимало время, и для раскопок оставались считанные часы.

Копали мы довольно упорно, работа заметно продвигалась. Мусора становилось все больше, и я через дыры выносил его корзинами. Арабские ребятишки по-прежнему помогали мне. Хусейн рыл ямы, подавал мне корзины, и я относил их к дырам в заборе, а там ребята их забирали у меня и тащили к общей куче. Работали ловко и слаженно.

Желая привлечь к раскопкам побольше евреев, я обратился к раву Вальдману, чтобы он дал мне в помощь своих учеников. Объяснил, что синагога утопает в навозе, привести ее в приличный вид — Богоугодное дело во всех отношениях. Он вроде бы согласился, обещал помочь. Его подопечные пришли один раз, поработали пару часов и больше не появлялись. Они объяснили, что рав Вальдман им не разрешает отлучаться. Это было действительно так; рав мне сказал, что ребята должны заниматься Торой. У них мало свободного времени.

Это мне было непонятно. Я знал, что ученики ешивы часто выезжают в походы, экскурсии. Участвуют в мероприятиях «Гуш-Эмуним», основывая, якобы, новые поселения. Как, например, в Себастии. И уезжают не маленькими группками, а всем коллективом. Сами учащиеся ешивы не становились поселенцами, их брали как «массу». Они оставались на поселении несколько дней и возвращались обратно.

Тогда я напрямую спросил рава Вальдмана: почему на подобные мероприятия у них есть время, а чтобы раскапывать синагогу — нет? И снова получил длинные и путаные объяснения. Но факт остается фактом: учащиеся ешивы вышли мне помогать один только раз. А те, кто приходил потом, приходили, пожалуй, вопреки «указанию свыше».

Однажды, когда пришло человек десять, я взял с собой двоих и привел их на «новый объект» — соседний арабский двор, отделенный забором, сложенным из больших тесаных камней, извлеченных, видимо, из стен разрушенной синагоги. В этом дворе я и решил копать. Почему здесь? Из плана синагоги, который имелся в книге «Хеврон», было отчетливо видно, что продолжение стены, обнаруженной Хусейном, находится в этом дворе, так же, как и место, где был «арон га-кодеш» синагоги «Авраам-авину». Это подтвердил и араб, живший напротив: «арон га-кодеш» и основная часть синагоги находятся не под овечьим загоном, а именно в этом дворе. Я не взял сюда Хусейна: ему

было бы неловко копать в арабском дворе.

Жили здесь арабы — старик со старухой. Они явно были смущены нашим появлением, но все же не препятствовали нашим намерениям. Не зная арабского, я им несколько раз повторил: «Бейт-кнесет Ибрахим, Бейт-кнесет Ибрахим…». Они прекрасно все поняли.

Ребята из ешивы были крепкими, копали в отличном темпе, сменяя один другого. Я относил корзины через весь двор, стараясь пронести мусор поаккуратнее, к арабскому магазину. Мне хотелось быстрее дойти до слоев, где проявились бы признаки синагоги, на случай, если вызовут полицию. Вскоре вырыли траншею, где мог по грудь стоять человек среднего роста. Но ничего не обнаружили. Я же полагал, что тут должен был быть столб.

На следующий день я привел Хусейна. Мои опасения, что Хусейн откажется здесь копать, оказались напрасными. Он совершенно спокойно принялся за работу. Старуха-арабка приносила попить, а в конце работы дала полотенце, чтобы мы смогли помыться. Хусейн работал не торопясь, но не менее эффективно, чем оба вчерашних учащихся ешивы. Я едва успевал выносить корзины. Спустя час мы наткнулись на что-то каменное. Хусейн крикнул мне: «Катув, катув!» — «Здесь что-то написано!». И я увидел надписи. Сделав яму пошире, он пошел вдоль этой кладки — стена оказалась сводом.

Приближалось время, когда Хусейн должен был приступить к молитве. Но ему не терпелось узнать, что здесь написано и каково назначение массивного столба. Продолжая интенсивно копать, мы увидели, что столб примыкает к стене. Я сверился с планом — это оказался внутренний северо-западный угол синагоги. Стало ясно, в каком направлении продолжать раскопки.

В эти дни мне на подмогу пришли русские олим. Всех имен я не помню, но каждому от души благодарен. Это было замечательно! Каждый, кого привлекала наша работа, брал корзину или лопату, и, не боясь испачкаться, не считаясь со временем, все охотно работали наравне со мной и Хусейном. Я никого не заставлял, никого не уговаривал, никому не разъяснял, что это синагога, что это «мицва» — расчистить ее от мерзости и привести в надлежащий вид. Каждый, кто появлялся, спрашивал, не трудно ли мне копать, не слишком ли нагружаю корзины?

— А вы вот сами попробуйте! — предлагал я им как бы в шутку. С этого они и начинали.

Особенно запомнился Володя Шухман — худенький паренек, лет двадцати пяти.

— Меня зовут Володя Шухман! — представился он. —

Помните такого?

— Шухман, Шухман… — принялся я лихорадочно вспоминать.

Действительно, фамилию его я слышал еще в Новосибирске, но самого ни разу не встречал. И вдруг вспомнил…

Случилась эта история в Новосибирском Академгородке.

Пришла ко мне моя дипломантка Лена Херец и сообщила, что из университета собираются выгнать двух студентов-евреев. Никогда до этого я не помню случая проявления антисемитизма в Новосибирском университете. Учились эти студенты прекрасно, особенно один из них — Шухман… «Чересчур деятельный», как выразилась однажды Лена. Проводит диспуты, обменивается книгами, марками. А придрались к Шухману и его товарищу потому, что они вывесили объявление с предложением помощи абитуриентам в подготовке к вступительным экзаменам.

Готовить выпускников школ к поступлению в вуз было делом естественным. На этом подрабатывали студенты старших курсов и многие преподаватели. Это было солидной статьей дохода, никаким официальным законом не запрещенной. Я и сам занимался этим, будучи студентом, да и после. Это давало моральное удовлетворение: я подготавливал в основном евреев.

Короче, Шухмана и его товарища вызвали на комсомольское собрание. Там поставили на обсуждение вопрос об их отчислении. Шухман сумел убедить собрание, что ничего противозаконного они не совершили. Собрание поддержало его. Более того, секретарь партийного комитета факультета, который все это дело затеял, сам получил выговор. Позднее его даже отстранили от должности за плохое исполнение партийного задания.

Но на этом дело не кончилось, оно разгорелось с новой силой. Увидев, что студенты не пошли на поводу у партийной организации, студентов-евреев отчислили в административном порядке, по приказу ректора.

Надо сказать, что я не только был в курсе «дела Шухмана», но и активно подключился к нему. Поехал в Москву и принялся обходить научные круги. Всем рассказывая, что происходит в Новосибирске. В доказательство я привез с собой приказ ректора об отчислении этих ребят. Кстати, он не был подписан самим ректором. Ректор не слыл антисемитом. Приказ был оформлен в его отсутствие по инициативе заместителя, который ученым не был, и потерять репутацию в глазах ученого мира ему не грозило. Им и был подписан приказ. Моя поездка в Москву была безрезультатной. Оба студента были исключены. Но все же была какая-то польза: случаи отчисления евреев в Новосибирске больше не повторялись. Партийное руководство навлекло на свою

голову достаточно позора.

И вот, встречаюсь с Шухманом лицом к лицу в Хевроне, на раскопках синагоги «Авраам-авину».

— Я, — говорит, — Володя Шухман!

— Прекрасно, — отвечаю, — наконец я Вас вижу, приятно познакомиться. Берите лопату и начинайте работать!

Такая вот интересная история…

Я думаю, что отчисление было не единственной причиной, приведшей его в Израиль. В нем билось сердце настоящего патриота. Он часто приезжал в Кирьят-Арба, много мне помогал. В то время он работал над докторатом в институте Вейцмана. Физическая нагрузка ему была только на пользу.

У нас было уже два фронта раскопок, и я собирался их объединить. Для этого предстояло сломать забор во дворе, сложенный из огромных камней. Я попросил ученика ешивы по имени Замбиш помочь мне в этом. Он был менее зависим от руководства и более других «горел» за дело синагоги «Авраам-авину». Замбиш привел с собой товарища, такого же, как он, крепыша, и мы втроем взялись за дело. Сломали забор, унесли камни, и образовалась большая территория: бывший загон для скота, арабский двор… Десять грузовиков мусора пришлось вывозить отсюда, когда мы получили на это разрешение от властей, и все это мы перетаскали в корзинах.

Шалтиэлю надоело ходить в сторожах. Он стал подыскивать другую работу. Открыл магазин по продаже сластей, мороженого. В конце концов, вернулся к своей первоначальной профессии — открыл столярную мастерскую.

Вместо Шалтиэля у меня появился другой помощник — Элиэзер Бройер. Это был внушительного вида здоровяк лет двадцати семи. Он только отслужил в армии и искал место, где бы ему поселиться. Еще будучи солдатом, Элиэзер побывал во многих местах и остановил свой выбор на Кирьят-Арба — из чисто патриотических побуждений. Эди Дрибин предложил ему должность в своей команде. С появлением Элиэзера начался новый этап наших раскопок.

В моем распоряжении была репродукция с картины художника Гутмана «Синагога Авраам-авину», написанной в 1920 году. По ней отчетливо можно было судить, что наши раскопки велись с южной стороны синагоги, а вся восточная часть еще не раскопана.

Отношения с арабами были вполне нормальными. Старик и старуха помогали нам, как могли. Я думаю, что ими руководило чувство вины. Двор их находился на территории синагоги, а комната, в которой они оба жили, была частью ее постройки.

Когда они ее захватили? И не участвовали ли лично в разграблении имущества? Судя по их возрасту, это было вполне возможно.

С южной стороны стоял дом, когда-то принадлежавший евреям. Сейчас он был заселен двумя арабскими семьями. Внизу жил угрюмый араб со своим многочисленным семейством, этажом выше — владелец овечьего стада, который вечно нам улыбался и был ужасно приветлив. Он арендовал загон у того араба, который каждый год заключал договоры с военными властями. Этот самый улыбчивый сосед-араб нас своим поведением буквально «купил»: беспрерывно угощал кофе, носил воду, чтобы помыться, предложил хранить в своей квартире наше рабочее имущество: кирки, лопаты, корзины. Стадо овец он убрал с наших глаз, и те ютились сейчас рядом с его квартирой.

Его советы относительно того, где надо копать и где находятся погребенные под мусором части синагоги, были большим подспорьем в работе. Особенно замечание относительно колодца. Ни о каком колодце здесь мы не слышали. Когда наняли трактор и сняли слой земли и камней, то обнаружился колодец пятиметровой глубины. Так, благодаря ему мы избежали вполне реальной опасности. И его сын нам постоянно помогал. Он был услужлив и не просил вознаграждения. Словом, эта семья искупала свой грех хорошим поведением.

Вызывались помочь и другие арабы. Особенно — хозяин магазина, что примыкал к синагоге. Он хорошо владел ивритом, всячески стремился «засвидетельствовать свое почтение». Некоторые хотели показать, как хорошо они могут работать, просто предлагали себя в качестве рабочей силы. Но я держался принципа — не платить! На арабах Хеврона лежит вина за погром, за все разрушения, причиненные еврейскому имуществу. Они ОБЯЗАНЫ работать бесплатно. Либо вообще не участвовать в работе.

Основная часть раскопок была проделана мною и Хусейном. Ну и, конечно, евреями, что приходили на помощь — олим из России, учащимися ешивы, туристами и гостями.

10. Отношения с властями

Отношения с арабами не всегда были безоблачны. Бывало, в нас кидали камни. Как правило, это делали мальчишки, жившие поодаль, на других улицах — кинут и спрячутся в «касбе».

Я созвал арабов, живших вокруг синагоги, и заявил им, что так дальше продолжаться не может, камни, которые кидают в нас, в следующий раз полетят в них. Заявил им это решительно и строго. Я зря не угрожал, мой характер они достаточно хорошо изучили.

Часто приходил на наши раскопки губернатор Блох. Обычно он приезжал утром. Станет в стороне, не приближается, ни с кем не разговаривает, не здоровается. Однажды нас фотографировал местный фотограф Элинсон. Он вообще делал массу снимков для своего архива: запечатлевал всевозможные исторические события в Хевроне. Публиковать эти снимки я ему категорически запретил. Элинсон направил объектив на Блоха, тот моментально отвернулся и запротестовал. Видимо, не хотел, чтобы стало известно о посещении им раскопок. Мне кажется, я мог бы с Блохом сработаться, если бы до его начальства не дошло, что в центре Хеврона копает какой-то еврей и нарушает этим «спокойствие на территориях». Спокойствие, которого нет и в помине.

Итак, мы с Хусейном раскопали четыре столба. На них хорошо сохранились краска голубого цвета и много надписей. Люди, посещавшие синагогу много десятилетий назад, писали на них свои имена. Некоторые были нами прочитаны и сфотографированы. Последней была запись 1944 года. Одна из надписей, сделанных в начале века, была на русском: некий Давыдов сообщал о своем посещении Хеврона; она мне особенно запомнилась. Были надписи и на арабском.

Геула Коэн направила запрос министру обороны Пересу относительно состояния синагоги «Авраам-авину» в Хевроне. Тогда мне казалось, что это как-то облегчит наше положение. Но скоро я понял, что это только повредило, лучше было бы не привлекать внимания к этому вопросу. Я ни в чем не обвинял Геулу. Она хотела сделать, как лучше.

Я говорил уже, что Элиэзер Бройер мне был послан Свыше. Настало время, когда именно такой человек оказался незаменимым. Теперь Хусейн все чаще оставался на кладбище, а мы с Элиэзером трудились вовсю. Работа шла в бешеном темпе. Элиэзер быстро приноровился к несложной технике раскопок, а физически он был крепким и здоровым.

И вот — грянули события. Как-то приехала группа ребят из киббуца Кфар-Эцион. Четыре парня: трое киббуцников, а четвертый — то ли журналист, то ли экскурсовод. Парни крепкие, привыкшие к физическому труду. Они работали с утра до вечера почти без отдыха. Работа спорилась: мы выносили большие тяжелые камни, отвалившиеся от разрушенного некогда купола синагоги, и сбрасывали их между уборной и магазином. Этот день я помню очень хорошо.

Ближе к вечеру явилась полиция. Мне заявили, что есть приказ, запрещающий здесь копать. Меня просят поехать с ними в военную комендатуру. Возможно, я получу разрешение, вот-вот оно должно быть готово. И я с ними уехал. Вернее, меня арестовали. По крайней мере, это выглядело именно так. И это в присутствии арабов! Поэтому, когда спустя некоторое время я вернулся, перед моими глазами предстала картина разыгравшейся здесь битвы.

Со слов Элиэзера выяснилось следующее. Едва полицейская машина, забрав меня, уехала, арабы, воспользовавшись тем, что ребята находились в глубокой траншее, стали забрасывать их камнями. Киббуцники не растерялись. К счастью, у них под ногами было полно камней, и они стали бросать их обратно. Спас положение Элиэзер. Он сумел выскочить и принялся бить камнями по грузовику, стоявшему поблизости. Фара грузовика со звоном раскололась. Тогда он перенес «огонь» на другие машины. Тут отовсюду с громкими воплями стали сбегаться хозяева автомобилей, требуя прекратить безобразие.

— При чем тут мы? — отвечал Элиэзер, — Камни летят с обеих сторон.

Это сразу подействовало. Владельцы машин встали на сторону евреев, и вся арабская шпана моментально разбежалась.

Тактика эта, подсказанная самой ситуацией, прекрасно срабатывала и в дальнейшем. Обычно каждый наш арест подхлестывал арабов на агрессивные действия. Элиэзер брал камень, запускал его в витрину магазина, в ближайшее окно, и это сразу привлекало на нашу сторону пострадавших. Нападавшие отступали, и спокойствие восстанавливалось.

…В комендатуре, куда меня привезли, сидели военные. Блох, важно развалившись в кресле, всем своим видом давал понять, кто здесь власть.

— А вот и явился Мессия, прибывший к нам из России! — произнес Блох. — Тавгер его зовут. Добро пожаловать!

И потребовал прекратить раскопки в Хевроне, пообещав при этом, что разрешение все-таки будет. Нужно подождать еще пару дней.

Я чувствовал, почти был уверен, что он врет. Ответил, что, собственно, не нуждаюсь в их разрешении, но если оно будет, то не помешает!

На этом мой арест закончился. Меня отвезли назад, где я застал картину, описанную выше.

Разумеется, ни через два дня, ни через неделю разрешения не было. Блох обманул меня. Все уговаривали не начинать раскопок, мол, мне этого не простят, я за это дорого заплачу. Советовали обратиться в высшие инстанции, писать заявления, требовать…

Игаль Клайн, исполнявший в Кирьят-Арба роль «министра иностранных дел», обращался во все инстанции, писал письма от моего имени. И все впустую. Я потерял на эту возню семь дней.

Спустя неделю мы вновь принялись за раскопки. Большая часть двора, где жили старик со старухой, была раскопана. Мы наткнулись на вторую нишу с северной стороны, где стоял «арон га-кодеш».

Не желая более терпеть нашу строптивость, военная администрация предприняла «решительный шаг»: на наших раскопках в один прекрасный день появились рабочие и возвели высокий забор — быстро, решительно, деловито. Это было похоже на военную операцию. Все, что не было раскопано, осталось за этим забором.

Мы попытались им помешать. Было много солдат и происходили довольно бурные сцены. Элиэзер обхватил столб двумя руками и кричал: «Ну-ка, попробуйте меня оттащить!». Восемь солдат стали возиться с моим напарником. На меня хватило троих… Какой-то офицер кричал, что он бы в таких, как мы, стрелял. А я подумал, что с удовольствием с такого, как он, содрал бы штаны и публично выпорол.

Сила была на их стороне. Нас повезли в комендатуру. Арест, как видите, произошел «по всем правилам»: тащили нас, правда, солдаты, но и полиция при этом присутствовала.

Однако на следующий день мы с Элиэзером снова пришли. Походили вокруг забора и приняли решение: если нельзя копать внутри, то можно делать это перед забором! И принялись за работу.

Вскоре образовалась большая яма, через которую можно было свободно войти внутрь огороженной территории. В конце концов этот злополучный забор упал сам по себе. Но прежде чем он упал, нас каждый день арестовывали. Забирали в полицию и отпускали, а работа страдала. При этом каждый раз у меня портилось настроение. Как это так? — спрашивал я себя. Еврейская власть посылает еврейских солдат арестовывать еврея за то, что он спасает от надругательства синагогу! Смывает позор — результат

ее же попустительства!

Однажды полицейский, с которым у нас были приятельские отношения, предупредил, что придут нас арестовывать. Нам лучше бы спрятать свои орудия труда и исчезнуть минут на двадцать. А когда те уедут, можно будет вернуться, второй раз они не приедут. И сообщил но секрету, что араб, который живет внизу, доносит на нас. Едва мы приступаем к работе, бежит и звонит с ближнего телефона в полицию или в комендатуру. Полицейский посоветовал «воздействовать» на соседа.

Это сообщение как бы открыло нам глаза: так вот кто источник «молниеносной» информации!

Полный обиды и возмущения, Элиэзер тут же поднял камень с земли и со всего размаху запустил его в дверь квартиры «доброго соседа». Дверь была деревянная, камень ее не пробил, она только слегка треснула. На следующий день мы с этим арабом случайно встретились. Были в полиции, смотрим, а он еще с одним местным «деятелем» выходит оттуда. И смотрит на нас с откровенной враждебностью. «Мафия!» — злобно процедил он сквозь зубы. И мы поняли, что он приходил в полицию с жалобой на нас.

Элиэзер, ничуть не смутившись, ответил на его злобную гримасу широкой улыбкой.

Вскоре у нас с военной администрацией произошли совсем уж неприятные столкновения. Видимо, нас хотели окончательно запугать и состряпали серьезное дело. Меня обвиняли в нападении на солдата, а Элиэзера в том, будто он вошел в арабский дом с оружием. Это была уже откровенная ложь. Расчет заключался в том, чтобы одновременно обвинить обоих и отнять у нас оружие, оставив беззащитными на раскопках.

С Элиэзером дело обстояло так. В тот день Хеврон посетила группа американских туристов. Их сопровождала экскурсовод, г-жа Клайн. Мы им рассказали все, что знали об истории синагоги «Авраам-авину», про погром, учиненный арабами, про то, в каком виде было это место до начала раскопок. Примыкающие к синагоге дома в прошлом принадлежали еврейским семьям, а сейчас там живут арабы. Американцы изъявили желание посмотреть эти дома. Госпожа Клайн обратилась к нам с просьбой их сопровождать — в качестве охраны, да и вообще, лучше нас все равно никто обо всем этом туристам не расскажет. Но мы с Элиэзером отказались, сославшись на то, что день близится к вечеру, а работы у нас еще много. И туристы вместе с экскурсоводом ушли без нас. И все же Элиэзера обвиняли, будто он вооруженный входил в этот дом.

Отнять у евреев оружие было бесчеловечно. Мы числились

сторожами в арабском городе, кишащем террористами, общались с населением, настроенным не всегда дружелюбно. Сторож-еврей без оружия! Чем мы могли защититься? Кулаками, камнями, палками? Уходя утром сторожить кладбище, мы имели все шансы не вернуться домой живыми. И, естественно, подали в полицию жалобу: военные власти отдают нас арабам на расправу.

Прекрасно понимая, что все эти шаги были предприняты с целью запугать нас и заставить прекратить раскопки, мы стали искать выход из создавшегося положения.

То, что произошло потом, стало известно всем. История обрастала слухами, все говорили: «Ну этот профессор Тавгер! Его ничем нельзя испугать…»

У меня имелось официальное разрешение на ношение пистолета. У Элиэзера ничего не было, и он стал носить с собой топор. С одной стороны, это вроде было орудие труда: на кладбище приходилось рубить дрова, лозы, деревья. С другой стороны, это могло понадобиться для обороны от возможного нападения.

До того, как администрация конфисковала наши карабины, Элиэзер почти не появлялся с топором. Зато сейчас он затыкал топор за пояс и на виду у всех шел по городу. У арабов это сразу же вызывало подозрение: поди знай, что за намерения у этого еврея? Чтобы подогреть страсти, стали поговаривать, что мы «грузины», люди горячие и способные на все. Я на это никак не реагировал: пусть считают, что мы из Грузии. Хуже всего, что сами евреи стали нас упрекать: дескать, ведем себя некрасиво, позорим евреев, разгуливая среди арабов, словно разбойники, с топором за поясом. От этих замечаний меня буквально трясло. Вырезать еврейскую общину, устроить погром и разграбить имущество — это «красиво»? Завалить навозом и мусором еврейскую святыню — тоже «красиво»? А если еврей пройдет по арабской улице с топором, то это позор? Что за галутные, местечковые представления?

Мы с Элиэзером, слава Богу, были единомышленниками. Он по-прежнему продолжал ходить с топором, не обращая ни на кого внимания. Иногда ходил с палкой, похожей на дубину, иногда брал с собой молот.

Нам стало известно, что полиция получила приказ отобрать у Элиэзера топор. За нами принялись охотиться самым бессовестным образом! Однажды поймали Элиэзера с топором. Но топор странным образом «исчез» — оказался у меня, и я его спрятал. В другой раз мы выкрали его из того самого шкафа, откуда я вместе с сыном «увел» цепи, которыми мы были привязаны в Меарат га-Махпела, и вернули «страшное оружие»

Элиэзеру.

Стыдно было глядеть в глаза начальнику полиции, да и другим полицейским! Справедливости ради хочу отметить, что и они краснели. А позже встали на нашу сторону, помогли доказать, что военные власти состряпали фальшивку.

Мы решили с этим покончить, выставив губернатора Блоха на посмешище. Придумали вот что: Элиэзер пойдет в Хеврон без топора. Пойдет не один, а с Ноахом в качестве свидетеля. Они не будут прятаться от солдат, которым дано указание схватить «разбойника», где бы он ни появился.

Наш план удался: Элиэзера схватили, поволокли к Блоху, тщательно обыскали, и ничего не нашли.

— Куда ты дел свой топор? — спросил губернатор.

— Простите, какой топор? — невинно поинтересовался Элиэзер. — Я что, разбойник, я такой страшный?

Он вытащил из кармана «зубы вампира» — детскую пуримскую игрушку, засунул ее в рот, приклеил себе усы и в таком виде состроил Блоху страшную физиономию, поворачивая во все стороны голову и лязгая зубами.

Что тут случилось с Блохом — передать невозможно.

— Уберите вон отсюда этого человека! — заорал он и начал биться в нервном припадке. — Я видеть его не хочу больше!

На этом история с топором закончилась, и Элиэзера оставили в покое.

Одним из последних угодил в полицию Элиэзер-тонкий, брат Ноаха, — совсем еще «свежий» репатриант, прозванный нами так, чтобы легче было его отличать от Элиэзера Бройера.

В те дни мы использовали против полиции новую тактику — приводили на раскопки массу людей, каждый раз все новых и новых, чтобы их арестовали. Таким образом мы хотели заставить военную администрацию на что-то решиться: или прекратить аресты евреев, или подать на нас в суд. А там мы докажем незаконность их действий.

Предложив Элиэзеру-тонкому поработать у синагоги, я ввел его в курс дела. Дескать, надо пойти «арестоваться», посидеть немного в полиции. Ничем особенным это ему не грозит.

Как новый еще человек, не посвященный во многие тонкости нашей жизни, Элиэзер-тонкий недоумевал:

— Вы говорите, что это остатки разрушенной синагоги?

— Да, следы погрома, учиненного арабами. Здесь был еще недавно загон для скота… Сейчас там загона нет, мы ведем реставрационные работы.

— За что же должны меня арестовать?

— Объяснить не могу, объяснить это трудно, ты все равно не

поймешь. Тут дело тонкое: военная администрация против…

Мы пришли утром к месту раскопок, отомкнули замок, впустили Элиэзера внутрь, снова заперли и ушли немного «прошвырнуться». Мы уже знали, что араб-сосед на нас не доносит, зато губернатор Блох имел привычку каждое утро лично являться сюда — нет ли каких нарушений?

Погуляв по базару и снова вернувшись, мы застали губернатора со всей его свитой. Они выясняли у Элиэзера-тонкого, как он туда попал и что вообще здесь делает? Больше всех горячился офицер-блондин с пустыми белесыми глазами, а Блох его, как мог, сдерживал. Я решил вмешаться.

— Это новый репатриант, он не понимает, чего вы от него хотите… Дело даже не в языке, вы объясните ему, почему еврею нельзя здесь находиться, — чтобы это не звучало для него бредом!

Это явно задело губернатора. Он приказал арестовать Элиэзера-тонкого. Ключа у них не оказалось. Все тот же долговязый офицер-блондин решил проявить служебное рвение: сорвал и выломал калитку ими же поставленного забора. Бросился на Элиэзера-тонкого и мигом свалил па землю, применив боевой прием каратэ. Бедный Элиэзер-тонкий даже взвыл от боли. Мне от души стало жалко, что я его впутал в это дело. Все вместе поехали и комендатуру. Нас не хотели брать, но я им напомнил, что парень плохо знает иврит, переводчик необходим.

Элиэзеру предъявили обвинение, будто он напал на офицера и побил его. Тогда я возмутился и заявил, что за явную клевету этот офицер понесет наказание. Похоже, это подействовало. Элиэзера обвинили в том, что он «проник на запрещенную территорию».

Вся эта возня была для нас обычной. Нас арестовывали, допрашивали и отпускали. Я был убежден, что и это окажется игрой, что все забудется. Но оказалось иначе — нам об этом напомнили. Спустя месяцев восемь Элиэзер-тонкий получил повестку явиться в беэр-шевский суд.

Надо заметить, что никакая судебная инстанция не хотела с нами связываться. К Беэр-Шеве мы отношения не имели. Элиэзер-тонкий никогда там не жил. Но беэр-шевская прокуратура была известна тем, что никакими делами не брезговала и знала, как их следует «шить».

Когда Элиэзер-тонкий туда явился, ему предъявили обвинение в том, будто он проник в закрытую зону, отказался выполнить приказ военных властей, нанеся тем самым моральный ущерб армии и лично губернатору Блоху.

Поскольку все это звучало весьма туманно, расплывчато, то прокурор «по-приятельски» ему предложил:

— Зачем тебе, парень, судиться? Ты уж сразу во всем признайся, а мы тебе присудим штраф! Если не согласен — тебе же будет хуже: станешь ездить сюда бессчетное количество раз, и только на поездки истратишься гораздо больше.

Любой другой на месте Элиэзера-тонкого принял бы такое предложение. Но он оказался удивительно стойким и принципиальным.

— Нет, так не пойдет! Ни в чем не считаю себя виноватым, будем судиться! Согласен ездить на ваши заседания хоть двадцать раз, если понадобится.

Он начал с того, что сел и написал письмо юридическому советнику правительства. На следующем заседании суда он встал и объявил, что ждет ответа на это письмо — суд был отложен. Не помню, сколько раз он приезжал в Беэр-Шеву, но факт — его вызывать прекратили, и дело ушло в архив.

Тут я хочу вернуться к беседе, которая состоялась у меня с Элиэзером-тонким еще до того, как он согласился пойти «арестовываться».

— Почему военные и правительственные власти противятся раскопкам знаменитой синагоги? Почему их устраивало, что там расположен загон для скота? Более того, почему каждый год продлевался договор на аренду с каким-то арабом-скотовладельцем?

Как умел, я пытался ему объяснить ситуацию: дескать, Израиль находится в изоляции, в окружении арабских стран, его международное положение сложно. В самом арабском мире сильны процессы брожения, и Израиль не может «подбрасывать поленья в огонь», чтобы не произошел взрыв.

Эти доводы его никак не убеждали.

— Но причем здесь синагога «Авраам-авину» и овцы?! — восклицал он.

Тогда я говорил ему, что Израиль должен заботиться о человеческом праве и достоинстве. О достоинстве арабов, разумеется. Овцы — источник их заработка, и нарушать этот «статус-кво» евреи ни в коем случае не имеют права.

А у военного губернатора свой интерес, толковал я ему. В том, что ведутся раскопки синагоги, заключена прямая угроза его карьере. А ему хочется получить дополнительный «фалафель» на свои погоны. И в этом он по-своему прав.

— Ну хорошо, — соглашался со мной Элиэзер, — понимаю, что имеются объективные опасения. Однако Вы раскопали синагогу, и ничего не случилось. Изоляция Израиля от этого не

усугубилась. Арабы с голоду не умирают. Как говорится, «и овцы целы, и волки сыты»! Что же говорят те люди, которые предсказывали чуть ли не революцию в арабском мире, если хоть один мусульманин будет ущемлен в Хевроне?

— Элиэзер, голубчик, вы еще так мало живете в этой стране, — отвечал я ему. — Поживите хотя бы с мое, сами увидите, здесь масса людей, которые ежедневно запугивают еврейский народ, предсказывая ему всяческие ужасы. Пророчества эти, как правило, никогда не сбываются, зато повергают людей в депрессию. И занимаются этим, в основном, средства массовой информации: газеты, радио, телевидение. Им нужна сенсация, любая сенсация. А какие это вызовет последствия — им наплевать. Так это заведено в Израиле, и не нужно придавать этому большого значения. Если хочешь что-то сделать — делай!

— И неужели в мире ничего не произошло после этого? — улыбнулся Элиэзер. — Взяли, раскопали синагогу, и мир от этого не содрогнулся?

— Мир много раз содрогался за это время, дорогой Элиэзер! Было, например, ужасное землетрясение в Чили. Спал себе вулкан сотни лет и вдруг проснулся…

— Вот видите, видите! — хохотал мой собеседник. — Ваши раскопки и были той каплей энергии, которая привела в действие вулкан в Чили. Вы-то смотрите поверху, а умные люди в глубину: как бы чего не вышло!

11. Шошан Пурим 1976 — берем закон в свои руки

В марте 1976 года в Хевроне произошли события, прервавшие на время наши раскопки: по всей стране прошли выступления арабов, названные позднее «Днем земли».

О предстоящих событиях нас известил Хусейн, за несколько дней до этого слушавший, по своему обыкновению, иорданское радио. Странно, что военная администрация Хеврона не знала об этом, во всяком случае, она совершенно не была к этому готова.

Этот день мне запомнился навсегда. Думаю, не мне одному. Был праздник Пурим, а точнее второй его день — Шошан Пурим. В Кирьят-Арба Пурим отмечается дважды, поскольку существуют разногласия «относительно стены». Итак, был Пурим. Мы с Элиэзером решили выйти на работу на кладбище. Было раннее утро. Навстречу нам мчалась машина. Поселенец Арье гнал свою машину из Хеврона в Кирьят-Арба.

Он резко затормозил и заорал:

— Куда вы идете? Вы что, не знаете, что там происходит?

Тут мы увидели, что окна в его машине выбиты. Вдали клубится дым — черный дым от горящих покрышек.

Нас с Элиэзером это зрелище только взбодрило, и мы прибавили шагу. Недалеко от Меарат га-Махпела нас нагнал на своем тендере Цви Кацовер. Он крикнул нам, что беспорядки в Хевроне начались час назад, он вынужден был оставить свой ресторан, чтобы взять автомат из дому. Надо сказать, что его ресторан оставался единственной еврейской «территорией» в Хевроне в течение 5-6 лет. Арабы несколько раз подкладывали взрывчатку и поджигали его ресторан, а власти не слишком усердствовали в охране этого места. Даже поставить забор вокруг ресторана и то не решились. Кто угодно мог бросить туда горящую тряпку, чтобы вызвать пожар.

Мы быстро сели в тендер Цви Кацовера и вскоре оказались у ресторана.

Зрелище, представшее нашему взору, оказалось необычным даже для видавшего виды Цви. Со стороны базара уже двигалась огромная толпа арабов. Толпа бурлила, гудела и швыряла камни, куски железа, палки. Кто-то постреливал из рогаток. Стекла в ресторане уже были выбиты, надо было срочно что-то предпринимать.

Рядом с рестораном стояла солдатская будка, в ней в тот момент находились двое резервистов. Цви крикнул им, чтобы они

открыли огонь в воздух. Иначе, если арабы приблизятся, то не только уничтожат ресторан, но и всех нас перебьют. А в ресторане — посетители.

Вдруг откуда-то появился израильский офицер — ответственный за порядок в Меарат га-Махпела. Офицер был религиозным, при автомате, но открыть огонь тоже побоялся.

Кстати, несколько слов о нем. Он был студентом Бар-Иланского университета, знал, что я профессор, и относился ко мне с почтением. Однако отношения между нами так и не сложились, поскольку поведение его меня крайне разочаровывало. Был как-то случай: мы с ребятами вывесили над Меарат га-Махпела израильский флаг. Под крышей была незаметная ниша, в нее мы и просунули флаг, а саму нишу замуровали. Этот офицер страшно перепугался, поднял шум. И сам (а может, по приказу свыше) вызвался этот флаг сорвать. Идти предстояло по карнизу крыши, на большой высоте, что было опасно. Он пошел, добрался до флага и сорвал его, сделав это с таким видом, будто это была, по крайней мере, свастика, а не его национальный, государственный символ. И проявил при этом немало смелости, решимости, но ни капли смекалки… Если бы у этого студента была пара извилин, он бы быстро сообразил, что этот флаг можно достать изнутри, из той же ниши, а не лезть на крышу.

И тогда я, помню, подумал: принял бы я его в университет, если бы был ректором? Пожалуй нет, ибо слишком уж он несообразителен.

Тем временем гудящая толпа арабов приближалась. В ресторане работала женщина по имени Майя, всего два месяца назад приехавшая из России; иврита она почти не знала.

— Бен-Цион, — спросила меня Майя, — что означает «гафгана»?

— Демонстрация! — перевел я ей. Но было видно, что она плохо понимала, что происходит на самом деле. Уж слишком эта демонстрация не была похожа на Первомай в Москве. Шуму действительно было много, посетители ресторана с перепугу залезли под столы, а Элинсон, державший в руках фотокамеру, вбежал в ресторан и сменил камеру на пистолет. Когда же огромный камень, разбив стекло, упал на прилавок, Майя, похоже, все поняла.

И тут прозвучали первые выстрелы. Мы начали стрелять в сторону толпы, поверх голов. Цви стрелял очередями из автомата, а я — из пистолета. Стрелял из своего пистолета и Элинсон. Толпа находилась от нас примерно в полусотне метров. Стрельба ее остановила, но камни продолжали лететь. Элиэзер Бройер

подбирал их и со всей силой швырял обратно.

И тут Цви предпринял нечто невероятное. Бросился к своей машине, завел ее и направил прямо на толпу. Я был поражен его смелостью. В него полетел град камней, все стекла в машине были тут же выбиты. Если бы машина застряла, его могли бы убить, и я предложил Элиэзеру бежать следом для подмоги. Мы побежали вперед, кидая камни. Из всех окон и дверей высовывались арабы. Я кричал им, чтобы они ушли в дома и заперли двери.

Откровенно говоря, я боялся, что и они присоединятся к бушующей толпе, тогда на нас посыпались бы камни отовсюду.

Полиции, естественно, не было. Два солдата в будке возле ресторана были насмерть перепуганы: боялись толпы и боялись открыть огонь, чтобы не нарушить приказа. Тряслись со страху — и ждали. Чего ждали? Смерти своей, что ли? Я считаю вполне правильным, что в тот момент мы «взяли закон в свои руки».

Цви со своей машиной не удалось обратить толпу в бегство. Машина наткнулась на груду камней, он с трудом взял назад, даже не заметив, что между колесами застряла железная бочка. Когда он подогнал машину к ресторану, мы увидели, что не уцелело ни одного стекла, ни одной фары, весь кузов был побит и измят. До сих пор поражаюсь: как он на такое решился? Во всяком случае, толпа осталась на месте, не пытаясь приблизиться. Тем временем, сверху, со стороны Кирьят-Арба прибывали машины. Улицы были узкие, развернуться было негде, а среди них были и арабские машины. Мы с Элиэзером их останавливали, проверяли. В машинах этих могли быть камни, могло находиться оружие, взрывчатка и вообще Бог знает что…

12. Реакция на самооборону

События, произошедшие в Хевроне в Пурим, имели самые разнообразные последствия.

Прежде всего у нас, в Кирьят-Арба. Ее жители были горды, что могут защитить себя сами. Но были и такие, что имели иное мнение, — прежде всего известный, всеми уважаемый наш адвокат Эльяким Гаэцни. Он сразу же обвинил во всем нас. Не знаю, из каких источников к нему поступала информация, но он откровенно заявил, что меня следует отдать под суд. И — напророчил. В конце концов меня действительно отдали под суд. Но тогда никто этого не предполагал, кроме Гаэцни.

Спустя месяца два нас с Элиэзером вызвали в полицию. Существенных обвинений не предъявили. К суду был привлечен рав Левингер. Собственно говоря, судить можно было всех жителей Кирьят-Арба, которые «взяли закон в свои руки».

Чтобы поподробнее выяснить, как происходили события, к нам приезжал депутат Кнессета Йосеф Сарид — Йоси, как он любит себя называть. В Кирьят-Арба он не заезжал, а побывал только в Хевроне. Там он выяснил, будто трое поселенцев «непозволительно» вели себя по отношению к арабам Хеврона. Относительно меня Сарид заявил, что уверен в моей причастности ко всему происшедшему, но арабы, мол, боятся свидетельствовать против меня.

В ответ я написал ему открытое письмо. Оно было напечатано у нас в «Йедионе». Позже журналист Йегуда Литани многое использовал из него в своих публикациях в газете «Га-Арец».

Я писал, что Иоси Сариду вовсе незачем было обращаться к арабам. Во всех своих так называемых «преступлениях» я признаюсь сам. И все подробно изложил. Как в Пурим разбирал арабские завалы и баррикады, как помогал выводить автобусы с туристами из-под града камней. Написал и о прошлых своих «преступлениях»: о раскопках на месте синагоги «Авраам-авину», о том, как сломал там забор в загоне для скота, принадлежавшем арабу. Согласно документам, выданным и официально оформленным израильскими властями, араб этот имел на загон все права, заплатил за него, а я не возместил арабу убытков. Подробно изложил, какие работы провел на кладбище. Как наводил там порядок, как вел себя в Меарат га-Махпела. Словом, признался во всех своих «нарушениях и бесчинствах».

Иоси Сарид ответил мне быстро. Он, видимо, понял едкий юмор моих признаний и ответил несколько странно. Он писал, что не намерен привлекать меня к суду, поскольку у нас с ним

имеются идеологические разногласия.

Ответ его тоже был напечатан в газетах. Забавно, что газета «Га-Арец» вполне серьезно отнеслась к стилю моего письма. Видимо, с юмором у ее издателей не все благополучно. Значительные отрывки из моего письма «Га-Арец» цитировала полностью как доказательство того, что я действительно уголовник, признающийся в собственных преступлениях. Но не потрудилась отметить, что это «преступления» с точки зрения Иоси Сарида и Йегуды Литани, а не израильского закона.

Один суд все-таки состоялся — над лидером Кирьят-Арба равом Левингером. Он обвинялся в оскорблении чести израильского офицера. Суд был показательным и проходил в Хевроне. Свидетелями обвинения выступали упомянутый офицер и начальник пограничной охраны. При даче показаний начальник явно нервничал, его что-то мучило. Неожиданно он схватил ТАНАХ и срывающимся от слез голосом воскликнул: «Скажу всю правду!» И признался,что на него было оказано давление, что он не хотел выступать на суде, скрывался, но его нашли и твердо велели: «Ты должен говорить, как нужно!». Но теперь он считает необходимым рассказать, как поселенцы спасли ему жизнь, как вел себя в смертельно опасной ситуации Цви Кацовер, как помогли ему я, Элиэзер и Шмуэль. Потом слушание продолжалось уже при закрытых дверях, поскольку он говорил то, что не должны были слушать все. Позже нам стало известно, о чем все же он говорил: несмотря на погромную ситуацию в Хевроне, войска введены не были. Он лично обращался по этому вопросу к военному губернатору, но тот солдат не прислал. Солдаты появились только тогда, когда самое страшное уже было позади и баррикады разобраны. И только для того, чтобы арестовать евреев.

Судил рава Левингера военный суд, который не отличался объективностью и был назначен военной администрацией. Истец и прокурор — от них же, только защитник гражданский. Рав Левингер был оправдан. В связи с этим в Кирьят-Арба состоялась дружеская вечеринка. В адрес рава Левингера было сказано много теплых слов, выступали юристы, друзья. Рав Левингер был явно тронут.

После этих событий поведение наших солдат в Хевроне несколько изменилось: они стали останавливать арабов, требуя разобрать камни на дорогах, горящие покрышки, баррикады. Хоть чему-то научились от нас, жителей Кирьят-Арба. Бывало раньше, столкнувшись с чем-либо подобным, солдаты впадали в панику, по нескольку часов ждали, пока не прибудут люди из муниципалитета и не расчистят улицу. Теперь же все было проще.

Но у военных это получалось не так естественно, как у нас. Когда мы с Элиэзером останавливали арабов, требуя заняться расчисткой, это выглядело как обращение соседа к соседу: они жители Хеврона, и мы жители Хеврона, оба мол, заинтересованы в чистоте и порядке своего города, в элементарной безопасности движения на дорогах. Арабы с пониманием относились к нашим просьбам, были заинтересованы в хороших с нами отношениях. Когда же обращался с подобной просьбой солдат или офицер, то арабы делали удивленный вид. Поэтому солдаты чувствовали себя не так уверенно.

Тем временем мы с Элиэзером возобновили свои раскопки. Мы все еще ходили без оружия. Его отняли у нас и так и не вернули. За нас хлопотали многие, в том числе и Игаль Клайн — «министр иностранных дел Кирьят-Арба». Он обращался с этим вопросом к военному губернатору Хеврона и даже к высшим военным властям Иудеи и Самарии. Вопрос этот обсуждался на многочисленных заседаниях. Надо сказать, что в Кирьят-Арба были люди, явно выступавшие против меня и Элиэзера. Дескать, Элиэзер ходит с топором вместо автомата. Но таких кирьят-арбовцев, которые были против нас и считали нецелесообразным вернуть нам оружие, было немного.

Я мог бы привести цитату из газеты «Га-Арец», где сказано, что адвокат Гаэцни из Кирьят-Арба написал письмо с обвинениями в наш адрес. Мы с Элиэзером решили узнать, было ли в действительности такое письмо, и пошли домой к Гаэцни. Он ответил: то, что изложено в статье, не соответствует действительности. Тогда мы обратились к нему с просьбой — поскольку это клевета, не может ли он нам помочь: дать юридическую консультацию или написать опровержение в газету «Га-Арец»? Ответить соответствующим образом военному начальству Иудеи и Самарии с требованием огласить правду? Но от этого Гаэцни отказался.

13. Продолжение раскопок в «Авраам Авину»

В Хеврон был назначен новый военный губернатор — Бен-Шахаль. Я решил познакомиться с ним, составить себе представление: что он за человек и на что мы можем рассчитывать.

Первая встреча состоялась в муниципалитете Кирьят-Арба. Организовал ее Игаль Клайн. Мы уселись за столом — я и Элиэзер с одной стороны, новый губернатор и его заместитель Цвика Бар-Эль — с другой. С Цвикой мы были давно знакомы, он был замом у Блоха. Сейчас я думаю, что именно это обстоятельство повредило нам во время той встречи.

Мы сразу начали с того, что Блох, его предшественник, совершил преступление, лишив нас права носить оружие. Ведь мы сторожа на кладбище! Как же мы можем обходиться без оружия? К тому же среди явно враждебного окружения?

Бен-Шахаль не дал нам высказаться до конца. Сказал, что слышал уже про топор (видимо, в штабе военного коменданта Иудеи и Самарии), в объяснениях наших не нуждается и считает, что ходить с топором за поясом — это некрасиво.

Мы с Элиэзером недоуменно переглянулись: этот Бен-Шахаль, молодой, здоровый, высокого роста бравый боевой офицер либо притворялся наивным, либо не знал, что в Хевроне главное не «красиво», а «безопасно».

Продолжать беседу о наших проблемах не имело смысла, и Элиэзер принялся рассказывать Бен-Шахалю о своей жизни в России, о сионистской деятельности, преследованиях КГБ. И тут с нашим военным губернатором случилось нечто непонятное. Возможно, ему почудилось, что Элиэзер сравнивает КГБ с порядками в Хевроне? Бен-Шахаль хмурился все больше и больше, потом не выдержал, вскочил и воскликнул: «Почему вы говорите мне о КГБ?! Все, наша беседа окончена!» — и выскочил из комнаты.

Так окончилась наша первая встреча. Мне все-таки показалось, что он нас отчасти понял.

Надо сказать, что наш новый губернатор, в отличие от Блоха, прилагал все усилия, чтобы лучше ознакомиться с обстановкой в нашем районе, поближе сойтись с жителями Кирьят-Арба. От приглашений в гости он не отказывался. Однажды я пригласил его к себе домой на чашку кофе. И он пришел.

В беседе с ним я сказал, что понимаю: он как солдат и

военный губернатор не может и не должен нарушать приказов своего начальства, это — его долг. Приказы свыше надо выполнять. Но одного я прошу у него: чтобы в отличие от своих предшественников он говорил нам правду. Когда начинают врать, хитрить, изворачиваться, то, мягко говоря, это выглядит несолидно.

Бен-Шахаль разволновался, ему явно было неловко. Здоровый парень, воевал, видимо, на многих фронтах, а тут растерялся. До такой степени растерялся, что ушел, забыв оружие и документы. Потом уже пришел посыльный и, извинившись, все забрал. Странно все-таки: когда у военных с гражданскими идет разговор «за чашкой кофе», они, как правило, чувствуют себя не в своей тарелке.

Тем временем мы с Элиэзером продолжали нашу работу по восстановлению синагоги. Задачей нашей было охватить раскопками как можно большую площадь. Копали мы сейчас во дворе старика и старухи, т.е. с восточной части синагоги.

Возник серьезный вопрос — куда девать мусор? Таскать его, как прежде, к уборной и магазину, было далеко, и мы нашли выход. Проделали дыру в каменном заборе, со стороны «касбы». Забор отделял двор старика и старухи от бывшего Еврейского квартала. Старик со старухой нам ни в чем не мешали, а иногда даже помогали. Двор их мы перекопали до такой степени, что они уже не могли ходить старой тропинкой и пользовались дырой, что мы проломили.

Нам все еще мешали овцы. Правда, они находились теперь не в синагоге, как раньше, а в пристройке к дому, с южной стороны. Но хозяин-араб использовал цементированное корыто, вмазанное прямо в стену, куда из шланга подавалась вода. И овцы утоляли жажду в непосредственной близости от нас.

Проблему эту Элиэзер решил одним ударом кирки. Пробил дыру в корыте, и вода не удерживалась. Несмотря на то, что с хозяином овец у нас были дружеские отношения, мы не могли мириться с тем, что овцы содержатся рядом с синагогой. Это, с нашей точки зрения, было осквернением святого места. Хозяин ничего не сказал нам на это, но властям, по-видимому, пожаловался. Те приходили, ругались с нами, но заделывать дыру в корыте никто не стал. Вскоре мы вынесли со двора все кормушки и корыта, араб понял «намек» и убрал скот куда-то в другой загон.

Территория была открыта уже по всему периметру, синагога была готова к реставрации, предстояло очистить от мусора территорию. Остальные работы требовали финансовых затрат, и я предоставил другим евреям заняться ими. Тем более, что ни

военная администрация, ни кто-нибудь другой уже не могли восстановить прежний «статус-кво».

В течение последних месяцев Элиэзер вел интенсивные переговоры со своим другом по сионистской деятельности Ноахом, с которым сблизился еще в Литве. Ноах часто приезжал в Кирьят-Арба, думая поселиться здесь. Он побывал и в других местах, прикидывая, что ему больше подходит. И в конце концов убедился, что Кирьят-Арба — самое подходящее место. Он получил квартиру, перевез семью и стал искать работу. Холостяк Элиэзер решил уступить ему свое место сторожа на кладбище — хоть как-то оплачиваемую должность, а для себя подыскать что-нибудь другое. Так Ноах стал сторожить кладбище вместе со мной. Был конец апреля 1976 года.

Характер нашей работы несколько изменился. Я говорил уже, что в вопросе с синагогой «Авраам-авину» решил подождать, предоставив другим проявить инициативу — скажем, Менахему Ливни, председателю совета Кирьят-Арба, который вел переговоры с военной администрацией. Ливни — горячий патриот, настоящий еврей, болеющий за положение в Хевроне, давно уже хотел добиться официального статуса наших раскопок. Меня, признаться, мало волновали результаты этих переговоров. Одно я твердо знал: если в ближайшие месяцы Ливни ничего не добьется, я снова войду в Еврейский квартал. Буду там делать то, что посчитаю нужным, полезным, и спрашивать никого не стану.

14 апреля 1976 года в газете «Маарив» была напечатана статья журналиста Долева, которая заканчивалась фразой: «…без евреев!». Статья весьма поучительная и характерная. Некое «ответственное лицо» высказывает свою точку зрения на проблемы заселенных территорий. Но автор не рассматривает проблемы с точки зрения евреев, а осуждает «партизанские действия профессора Тавгера». Под словечком «партизанщина» имелась в виду моя личная инициатива по очистке и реставрации синагоги «Авраам-авину», мои попытки восстановить право евреев на Хеврон.

Казалось бы, что плохого в моих поступках? Но нет, военная администрация видит для себя прямую угрозу в том, что я проявляю инициативу.

Как объяснить им, что здесь имеет место надругательство над еврейской честью? Если бы этим занялась военная администрация — это было бы очень неплохо. Но как показывает опыт, когда подобными делами занимаются организации, то бюрократические проволочки неизбежны. Я же копал, не истратив ни копейки государственных денег. У организаций это бы вылилось в миллионы, а может — и в десятки миллионов. Создавались бы

бесконечные комиссии, проводились бы собрания, обсуждения. Болтовней и говорильней занималась бы масса людей, а копали бы единицы. Я лично не осуждаю никого: ни военную администрацию, ни правительство. Не мне выяснять причины их поведения. В одном я их осуждаю — с их согласия был устроен загон для скота на территории синагоги. Какой-то еврей собственной рукой подписал документ, дающий право арабу держать овец в синагоге «Авраам-авину». Я считаю это преступлением! Когда же нашлись люди, которые своими руками стали расчищать это безобразие, военная администрация использовала солдат Армии Обороны Израиля, чтобы помешать раскопкам. Это аморально и противозаконно.

И последнее — суд… Фабриковались дела на людей, которые вели расчистку, молились Богу. Суды пытались сделать из патриотов преступников, уголовников. Эти дела так и назывались — «уголовными». Вот и сейчас, когда истина всплыла на поверхность и все суды и дела оказались шиты белыми нитками, — военный губернатор Иудеи и Самарии считает зазорным для себя приехать в Хеврон, извиниться, поздравить нас с открытием синагоги. Нет у него на это моральных сил.

14. Работы на кладбище

Мой новый напарник Ноах резко отличался от Шалтиэля и Элиэзера. Он был энергичным, всесторонне продумывал свои поступки, ставил перед собой цели и обязательно добивался их достижения. Я быстро разглядел в нем эти черты и предоставил ему возможность их проявить. Не отвлекал его раскопками синагоги «Авраам-авину» или иными делами, предоставил ему полную свободу действий.

Ноах поставил перед собой задачу восстановить всю территорию кладбища, сделать его таким, каким оно было до погрома. Он долго рылся в архивах, нашел фотографии кладбища, сделанные с воздуха. Выяснил, что территория его была гораздо шире, чем сейчас, и не была разделена на три отдельных участка. Она представляла собой единый, сплошной массив. К тому же сюда входила и территория, где, по преданию, похоронены Ишай и Рут. Словом, кладбище занимало весь холм, который сами арабы называют «Джабель Ягуд». И вообще холм этот сыграл особую роль в истории Хеврона, здесь первое поселение людей находилось еще в доавраамовскую эпоху.

Прежде всего Ноах решил разыскать могилу рава Элиягу де Видаса, знаменитого каббалиста, автора книги «Решит Хохма». Я тоже слышал, что тут находится его могила. Рав Элиягу де Видас прибыл в Хеврон в конце XVI века, после страшного землетрясения в Цфате, поселился и прожил остаток жизни в Хевроне. По сей день люди приходят на кладбище поклониться могиле цадика, хотя и не знают точного ее местонахождения. Надо сказать, что религиозный совет («Моэца Датит») и работавший там одно время рав Корен приглашали специалистов, чтобы найти могилу. Мне было ясно, что их измерения были неправильными. Ноах поступил проще. Взял книгу «Сефер Хеврон» («Книгу Хеврона»), где приводится точное описание местонахождения могилы автора «Решит Хохма». На рисунках, которые воспроизводят памятник на могиле де Видаса, видны скалы, очертания рельефа. Мы это все нашли, сопоставили и стали советоваться: что делать? Решили — будем копать! Но несколько шире обозначенного на рисунке места, ибо по рисунку можно ошибиться в определении угла. И приступили к делу. Обнаружили вскоре следы фундамента небольшого домика-мавзолея. Продолжая окапывать вокруг, обнаружили квадратный фундамент с толстыми стенами.

Оставалось привести сюда тех, кто мог бы подтвердить, что это действительно могила рава Элиягу де Видаса. Я привел на

кладбище рава Яира и Армони — людей весьма почтенных, заслуженных. Уж если что подтвердят, за это можно ручаться. Они тщательно все осмотрели, сверили и заявили, что твердо убеждены — это то, что мы долго искали. Мы не стали придавать сей факт огласке, не сообщили об этом ни в религиозный совет, ни военной администрации. К чему излишние бюрократические инстанции? Сами принялись восстанавливать стены домика-мавзолея. Скатили сверху большие камни, замесили бетон и стали работать.

Соседи-арабы вызвались нам помочь: протянули шланг, чтобы у нас была вода для работы. Помогал нам каблан Хаим Зильбер, который подрядился работать на кладбище — привозил бетон, стройматериалы. Когда же нам этого не хватало, я сам покупал песок и щебень у арабов, привозил из магазина цемент, — за свой счет или на пожертвования. Во время летних каникул приходили помогать нам молодые люди — добровольцы.

Работу на могиле рава Элиягу де Видаса мы провели основательную: залили стены бетоном на железной арматуре, обложили их камнем. Реконструкцию завершали сторож-араб Хусейн, мой сын Элиягу и я; Ноах уже работал на другом, не менее важном участке. Штукатурил стены Эди. Помогала нам и строительная фирма «Армштрам». Эта фирма строила дома в Кирьят-Арба и послала своего мастера.

Религиозный совет упрекнул нас, что, мол, крышу домика мы сделали остроконечной, а не с прогибом посередине. На снимках 1944 года виден прогиб. Но Ноах разыскал более ранние фотографии — 1932 года, и доказал, что прогиб — это дело рук арабов, когда они стали разрушать кладбище.

По инициативе Ноаха мы сделали надпись. Поскольку указывать имя было не принято, мы взяли начальную фразу из книги «Решит Хохма».

С Ноахом теперь мы виделись редко, он трудился на ашкеназской части кладбища, искал склеп с останками Менухи-Рахель, внучки первого Любавичского ребе. Было похоже, что он этот склеп нашел. Нам пришлось временно это место замаскировать, чтобы не привлекать внимания арабов.

Ноах загорелся идеей отыскать и восстановить могилы Ишая и Рут-моавитянки. Судя по документам, они находились в противоположном направлении — к западу от кладбища. Но там была громадная свалка, остатки древних строений, относящихся еще к эпохе крестоносцев. Данные эти мы получили от Хаима Магени. Он часто проводил на кладбище экскурсии, знакомил туристов с историей этих мест.

Короче, здесь все было ужасно запущено, и Ноах хотел

расчистить этот участок. Помогал ему мой сын Элиягу. Приехал поработать как-то и старший сын, Ханох. Однажды Элиягу обнаружил какую-то замурованную дверь в строении крестоносцев, густо заросшую виноградником. Трудились здесь две группы: наша и арабская. Скоро мы оттуда ушли, оставив работать арабов. Они хорошо потрудились, и место приобрело довольно привлекательный вид. Хотя до полного восстановления и реставрации было еще весьма и весьма далеко.

Однако вскоре выяснилось, что арабы работали с намерением построить там, на святом для евреев месте, новую мечеть. Мы стали категорически возражать. Вмешалось военное руководство, и всех оттуда удалило, нас в том числе. Там был установлен армейский наблюдательный пост. Сейчас, правда, его уже нет, и место ждет своего энтузиаста.

Участок, где стоит домик на могиле рава Элиягу де Видаса, называется «раввинским». Ноах изучил много источников и пришел к выводу, что здесь похоронены многие великие раввины и цадики прошлых веков. Вообще, он был инициатором расчистки этого участка.

Вскоре на кладбище начались работы, связанные с приближающейся годовщиной хевронского погрома — 18 ава. Прежде всего предстояло найти братскую могилу. У меня, признаться, и раньше были определенные предположения. Был снимок из «Книги Хеврона» — не одно, а ряд захоронений, обнесенных забором. На кладбище стояли бетонные столбики, из которых торчали прутья. Это наводило на мысль, что тут-то и был забор. Но мне говорили, что араб, некогда владевший кладбищем, хотел здесь поставить дом, потом раздумал, и это остатки фундамента. Выглядело это неубедительно.

Религиозный совет стал торопить нас. Сюда прислали подрядчика Хаима Зильбера, чтобы он помог нам найти и восстановить братскую могилу. Арабы-рабочие принялись усердно копать, но все их усилия ни к чему не привели. Тогда вдоль столбов стал копать я. Как бы в подтверждение своей гипотезы вскоре обнаружил ряд могил. Продолжил эти работы Хаим Зильбер, а я взялся за разборку заборов и террас. Все, что было намечено, мы завершили к 18 ава.

В годовщину хевронского погрома на кладбище приехала масса народа. Движение «Гуш Эмуним» затратило огромные средства. Со всех концов Израиля прибыли на автобусах тысячи людей. Но прошла церемония, на мой взгляд, слишком сухо и официально. Была выстроена трибуна. На нее поднялись важные лица: министр Бург, глава муниципалитета Кирьят-Арба Маевский, естественно, рав Левингер — и никого из тех, кто

имеет к этому кладбищу самое непосредственное отношение. Кстати, когда предыдущий министр религий, Ицхак Рафаэль, приехал в первый раз на кладбище, он сразу подошел ко мне, подал руку и сказал: «Привет узнику Сиона в Израиле!». И поехал с нами молиться в «Авраам-авину».

Многие выражали недоумение, почему на трибуне нет ни меня, ни — что особенно возмущало — Сары Нахшон. Ведь ребенок Сары лежит на этом кладбище, с ее поступка началось восстановление кладбища.

Со всех сторон раздались возмущенные голоса, требования посадить Сару в президиум. И тогда рав Левингер, опасаясь скандала, пригласил Сару подняться на трибуну.

Десятки, если не сотни людей подходили ко мне, пожимали руку, выражая свое почтение. И для меня это было гораздо важнее, чем находиться на трибуне, установленной, кстати сказать, на еврейских могилах. Я чувствовал себя слегка смущенным, но в то же время был полон гордости.

План Ноаха состоял в том, чтобы объединить все три части кладбища и воссоздать его в первоначальном виде. Ноах стал часто ездить в архивы, библиотеки, познакомился с профессором Зеэвом Вильнаи, получил от него важные материалы. В результате выяснилось: разделение на три части — сефардскую, ашкеназскую и караимскую — произошло при короле Хусейне. Арабы рассекли кладбище двумя дорогами. Одна — асфальтированная — отделила ашкеназийскую часть, а другая — этакий крутой каменистый подъем — караимскую. Некоторые небольшие участки — наиболее древняя часть кладбища с захоронениями в пещерах — были просто захвачены арабами. Если же пойти на запад, вдоль северной стены, то здесь изменения произошли уже после Шестидневной войны. Военная администрация поставила здесь забор, который оградил не все кладбище, а лишь его большую часть. Длинный пояс, шириной примерно в десять метров, остался вне забора, как бы нейтральная зона до каменного забора арабов. Полоса эта арабами не осваивалась — побаивались, видимо, израильской власти. Но дальше кусок размером около двух соток был захвачен арабской семьей, они разбили там сад, примыкавший к их дому. Самый большой кусок кладбища был захвачен арабами в западной, ашкеназской части. И про него как будто просто все забыли. В план Ноаха соединить вместе все части кладбища включались и могилы Ишая и Рут-моавитянки. Ноах ездил к губернатору, тот обещал помочь, но мы знали: рассчитывать можно лишь на самих себя.

Начали мы с того, что сломали участок забора с северной

стороны. Не весь, конечно, а сделали в нем проемы с таким расчетом, что если будут ставить новый забор, границей послужит каменный забор арабов — действительная граница кладбища.

На наши действия арабы сразу отреагировали бурно, можно сказать, перешли в наступление: на полосе шириной в десять и длиной в семьдесят метров стали срочно разбивать грядки помидоров. Сажали помидоры сразу две семьи, поделив между собой нейтральную территорию. Тогда мы откровенно применили силу: взяли столб и переставили его со старого места на новое.

В один из дней Ноах пришел на кладбище с группой туристов и увидел, как один араб пытается переставить столб. Ему помогала вся семья. С этой семьей у нас, вроде бы, сложились хорошие отношения: мы пользовались их водой для работ на кладбище, звонили с их телефона (за деньги, конечно). Ноах тут же подошел к арабам и велел не трогать столб. Если к столбу кто-то приближался, Ноах пускал в ход кулаки, и арабы от него отлетали. На место прибыла полиция и тут же стала брать показания. Араб сказал, что действительно хотел вырвать столб, но Ноах бил его так, что он отлетал метров на пять. Ноаха забрали. Скоро в полицию вызвали и меня. Поскольку у Ноаха не было опыта общения с нашей полицией, он не соглашался ставить подпись под своими показаниями. Его арестовали впервые. Сославшись на якобы плохое знание иврита, Ноах потребовал, чтобы я присутствовал в качестве переводчика. Наша версия состояла в том, что араб претендовал на территорию кладбища. На этой почве возник конфликт между соседями, и они подрались. Так полиция с наших слов и записала. Ноаха решили выпустить, но предложили оставить отпечатки пальцев. Тогда я по-русски сказал ему, чтобы ни в коем случае не делал этого. А полицейским мы сказали, что Ноах хочет посоветоваться с юристом.

В ту пору наши интересы представлял адвокат, обслуживающий движение «Ках» рава Меира Кахане. Нанимать своего юриста у нас попросту не было денег. Наши отношения с равом Меиром Кахане были очень хорошими, хотя мы и не члены его движения.

Связавшись с юристом по телефону, мы выяснили, что, согласно израильским законам, обязаны оставить отпечатки пальцев. Я положил трубку и сказал полицейским, что в Советском Союзе отпечатки пальцев берут только у уголовников, это ниже нашего достоинства, и мы отказываемся.

— Хорошо! — согласились они и разрешили Ноаху идти.

Вернувшись на кладбище, мы обнаружили, что столб исчез.

Этого, собственно, и следовало ожидать. В ответ мы решили уничтожить их помидорные грядки. Вырвали саженцы и вернулись домой.

На другое утро мы пришли со значительным подкреплением и сломали забор, отделяющий две сотки, захваченные арабской семьей еще до 1967 года. Прибыл военный губернатор, полиция и помешали нам завершить акцию. На сей раз арестовывать нас не стали, лишь пригрозили и велели исправить заборы. Спешить мы с этим не стали, араб сам починил заборы, за исключением «нейтральной зоны» — там остались дыры. Эти дыры впоследствии служили воротами, мы в некотором смысле были удовлетворены.

К этому событию было интересное «послесловие».

Однажды возле Гуш-Эциона я ждал «тремпа» в Кирьят-Арба. Время было вечернее, и я уже не надеялся, что меня кто-нибудь подберет. Грузовик с зеленым, арабским номером остановился возле меня, и шофер позвал меня подняться в кабину. Я сразу его узнал — это был тот самый араб, живший рядом с кладбищем, что получал удары от Ноаха. Я влез в кабину, но сделал вид, что не знаком с ним. Я думал, что после того происшествия нам как-то неловко узнавать друг друга.

Мы поехали, и он говорит, что мы знакомы, я должен его помнить. «Я твой сосед по кладбищу», — говорит он на плохом иврите. И чтобы мою память разбудить, спрашивает: «Ну помнишь — Ноах?». Тут ему ивритских слов явно не хватило, он стал показывать кулаками: «Ноах — бокс!», а потом приставил два пальца один к другому и сказал: «Анахну соу-соу, ану соу-соу», что означало: «Мы — друзья».

Я был слегка удивлен. Но подумал, что он, собственно, прав. Он мыслит естественно. Была ссора, пусть его даже побили, но земля осталась за ним. Бывает такое между соседями. А то, что Ноах ударил его, вовсе не означает, что он его ненавидит. Просто Ноах защищал свои интересы…

Тут, кстати, я расскажу и о других наших соседях, живущих рядом с кладбищем.

Об одном я уже говорил. Этот жил немного выше, западнее по шоссе. Культурный, образованный араб, который всегда демонстрировал хорошее к нам отношение.

Но были и другие. Несколько ниже жил довольно пожилой, полноватый, улыбающийся араб, владевший богатым домом. По-видимому, он был крупным чиновником, работал где-то в муниципалитете. Я думаю, он не любил евреев. Но личные отношения между нами были довольно хорошие. Мы не были друзьями, но он всегда улыбался: «Ма шломха? (Как дела?)».

Оказывал нам небольшие услуги: угощал в жаркий день водой из холодильника, давал мяту к чаю… Обычные отношения между соседями.

С противоположной стороны, на горе, было еще одно арабское семейство. Приятная семья, с десяток детей, симпатичная жена. Сам отец работал учителем в школе. Иврита он не знал, мы говорили с ним по-английски. Общались мы мало, но всегда он был с нами приветлив. Помню, как мы кинули к нему во двор тот мусор, что он выбросил на кладбище. Проблему решили очень просто: он прислал своих многочисленных сыновей, они все сами убрали. Я не имел к нему больше претензий из-за того, что он засорял кладбище, а он не обиделся, что я кинул к нему мусор обратно. Наши отношения, может быть, нельзя было назвать добрососедскими, но соседскими — вполне.

Хочу заметить, я и не искал с ними дружбы. Ведь дружба — это движение навстречу друг другу с обеих сторон. В нашем же случае ситуация особенная. Евреи пострадали в Хевроне в 1929 году. Счет остался открытым. В таких условиях дружбы с евреями должны искать они. Согласиться на дружбу я мог бы лишь при определенных условиях. Предлагать свою дружбу — мне кажется противоестественным. Это ни к чему хорошему не ведет.

К сожалению, имеются дурные примеры и со стороны великих людей. Моше Даян, например, в 1967 году, желая подчеркнуть свою дружбу, «подарил» шейху Джабри Меарат га-Махпела. Не знаю, называлось ли это подарком, но Меарат Га-Махпела была объявлена мечетью.

На мой взгляд, арабы ведут себя более естественно. Когда наши войска вошли в Хеврон, они вывесили белые простыни, встречали наших солдат «с хлебом-солью», давая понять, что чувствуют за собою вину, что ищут с нами дружбы. Моше Даян же, да и не только он, почему-то считал, что именно еврей должен искать дружбы с гоями, первым проявлять инициативу. Но арабы, к сожалению, в силу своего мировоззрения понимают это превратно.

Чтобы пояснить, приведу еще один пример, из более позднего времени.

В 1977 году к власти пришел Менахем Бегин. Произошел «политический переворот», правящей партией стал Ликуд. И сразу же мы почувствовали изменения в атмосфере Хеврона. Об этом могу свидетельствовать лично я, да и многие жители Кирьят-Арба.

Сам военный губернатор тогда высказался:

— Вот, пришел Бегин к власти! Арабы поняли — будет сильная рука. Иегуда и Шомрон вольются в государство Израиль,

кончатся беспорядки, акты террора. Арабы уже стали дружелюбнее к евреям.

Некоторое время так и было. Но новый министр обороны заявил, что хочет дружить с арабами, что намерен предпринять в этом направлении шаги со своей стороны… И сразу же началось кидание камней на дорогах. Проехать одному было почти невозможно. Либо с кем-то еще, либо с оружием. То есть арабы быстро сориентировались: евреев бьют, убивают, а они все равно говорят о дружбе — значит, можно не бояться, можно прекратить видеть в евреях силу. Или посчитать наше поведение своеобразной тактической уловкой, хитростью. Таково мышление арабов. Нельзя забывать, что мы и они мыслим совершенно по-разному.

Или движение «Шалом ахшав». Приезжают евреи в Хеврон и устраивают бурные демонстрации против своих же братьев евреев. И как относятся к ним арабы? Считают их либо психами, либо провокаторами. «Шалом-ахшавники» посадили арабам виноградник. И что с ним арабы сделали? Сразу же выкорчевали. Потому что подумали: «Ага, евреи посадили у нас виноград. А потом велят нам убираться, скажут: наш виноград, наша и земля!» Арабы не понимают противоречивости еврейских поступков. И я их не собираюсь в этом винить. Это вполне естественный подход к ситуации.

Итак, я говорил уже, что не искал и не ищу дружбы с арабами. Но и ненависти к ним нет у меня. Этот народ находится с нами в состоянии войны. А каждого отдельного араба я могу оценивать только в зависимости от того, как он относится ко мне и к моему народу. Нетрудно прийти к выводу, что в арабской среде вражду к евреям насаждают личности, кровно в этом заинтересованные. Те, кто за это получает деньги от своих организаций, от богатых арабских шейхов. А действия евреев из «Шалом ахшав» — это патология, ими должна заниматься не политика, а медицина.

Была у нас проблема и с забором, огораживающим кладбище с юга. Его установили военные власти, не зная еще границ древнего кладбища и многое уступив арабам. Вдобавок муниципалитет Хеврона собирался провести тут дорогу. Велись земляные работы, и мы с Ноахом опасались, что дорога пройдет по еврейским могилам.

Мы обратились к Бен-Шахалю, военному губернатору, он, вроде бы, нам сочувствовал, делал вид, что это его беспокоит, даже дал приказ прекратить земляные работы. Но однажды мы с Ноахом увидели, что там работает трактор, а мы еще не проверили этот участок. Здесь могли быть могилы. Арабы

утверждали, что их нет, но мы обязаны были располагать достоверной информацией.

Я обратился к военному посту на кладбище (он был установлен для нашей охраны). Попросил немедленно сообщить администрации, что арабами нарушается приказ. Они, вроде бы, сообщили. Но за этим ничего не последовало. Тогда Ноах спустился в город, чтобы найти телефон и сообщить лично. Ушел и надолго пропал. За оградой кладбища, неподалеку, был еще один армейский пост. Я обращался к солдатам несколько раз, требуя вызвать сюда губернатора. Они уверяли, что сообщили ему, но опять-таки никто не появился. А работы продолжались и вела их большая группа арабов. Тогда я решил сам пойти и прекратить работы. Тракторист наотрез отказывался заглушить мотор. Дошло до того, что трактор повредил водопроводную линию, которой пользовалось все арабское население Хеврона. Из военной администрации так никто и не приехал. Мне ничего более не оставалось, как вынуть пистолет и выстрелить. Выстрел я произвел в воздух, над головой тракториста, и только тут он прекратил работу. После этого пришла еще одна группа арабов — как они сказали, чинить водопроводную линию.

Спустя некоторые время ко мне на помощь прибыли Элиэзер, Ноах и Цахор. Это было кстати, ибо противостоять в одиночку целой группе разъяренных арабов было опасно, даже с пистолетом. Элиэзер взял мотыгу и принялся бить ею по водопроводной трубе. Тогда арабы сообщили в военную администрацию. Вот тут-то они наконец прибыли. За те четверть часа, что понадобились для этого, нам пришлось выдержать яростную атаку: в нас стали кидать камни, стрелять из рогаток. Я предложил ребятам отходить. Но и это было непросто — в нас продолжали кидать камни, мы в ответ отстреливались. Было нас трое, Ноах немного отстал. Арабов же было не менее полусотни. Выхода не было — только стрелять.

Прибыла полиция, приехал Цвика. Арабы, зная его, принялись жаловаться: мол, я стрелял… Что же делать? Если признать, что показания арабов верны, меня следует арестовать. Но арестовывать меня не стали — значит, и Цвике пошли впрок некоторые наши уроки.

Так мы добились кое-чего на этом участке кладбища, где, надо думать, все же имелись еврейские захоронения. Да, трудно нам было ладить с военной администрацией. В их поведении явно чувствовалось отсутствие патриотизма. Они всегда выворачивали факты наизнанку, толковали их не в нашу пользу. Показываешь им карту, начинаешь объяснять, что, может быть, здесь могила — они сомневаются. Но если им говорит что-нибудь араб — здесь у

них возражений нет.

Итак, летом 1976 года я занимался исключительно реставрацией кладбища, а раскопки в синагоге «Авраам-авину» практически прекратил. Я понимал, что возврата к прошлому уже быть не может: не будет там больше уборной, загона для скота, заборов. В то время уже шли переговоры об официальном завершении раскопок, которые мы начали.

Спустя некоторое время Менахем Ливни сообщил мне, что есть, наконец, официальное разрешение раскапывать синагогу, и добавил: «Однако русским запрещено!». Это было уже что-то новое — явная дискриминация. Я тут же по телефону выразил свое возмущение; не знаю, как понял меня Менахем Ливни, потому что разговор он прекратил.

Что мы предприняли? Пошли работать — группа «русских» и несколько ребят из Америки, присоединившихся к нам.

Через пару дней Ливни передо мной извинился и сказал, что запрет для «русских» отменен. Для меня это не имело существенного значения — мы все равно работали. Пусть будет стыдно тому, кто это придумал.

В ту пору — не помню точно, в какой день, — на наших раскопках появился Шимон Перес, министр обороны. Он был с визитом в Кирьят-Арба. Я не пошел на работу, намереваясь встретиться с ним. Но на совещании в Управлении возник какой-то спор, и Шимон Перес демонстративно покинул его, поехал в Хеврон к шейху Джабри. После этого визита он пришел посмотреть на нас.

Перес стоял, внимательно слушая объяснения военного губернатора, а мы копались внизу, в яме, среди мусора и грязи. Он даже не поздоровался, вообще не снизошел до разговора с нами. Видимо, обиделся на всех кирьят-арбовцев.

И тут посыпались жалобы на нас от «местного населения» — в это время у власти было уже много представителей ООП. Арабы пригласили Шимона Переса посетить уборную, разрушенную отчасти нами (впоследствии эту уборную даже назвали его именем). Впечатление было тягостным. Идет министр обороны Израиля осматривать сортир, который давно не действует. Идет посмотреть, как эти евреи-варвары во главе с профессором Тавгером нанесли арабам ущерб. И то, что уборная эта стоит на синагоге, — это его не касается…

Тут же на базаре Перес выступил перед арабами, заверил, что уборная будет восстановлена.

Действительно, через два часа пришли солдаты, взобрались на крышу уборной, как бы защищая ее от нас, экстремистов. А восстановить ее все равно невозможно: воды нет, трубы забиты

основательно… Я бы Шимону Пересу прямо в лицо сказал — я этого не допущу, чтобы в синагоге «Авраам-авину» стояла уборная арабская! Не бывать этому никогда больше! Кончилось это время…

Визит Переса был отмечен и еще одним событием. После того, как он пообещал арабам свою поддержку, те сразу сообразили, как он ко всему относится, и в нас полетели камни. Мы стояли внизу и, как могли, защищались. Но стоило нам метнуть несколько брошенных камней обратно в хулиганов, как тут же появились солдаты. Элиэзера арестовали… А я думал — представим себе, что я в Москве. Иду по улице, и в меня кидают камни. Только за то, что я еврей. Не было там такого. А если бы было — поднялся бы шум. А здесь, дома, в Израиле, — кидают в еврея камни, и еврейская полиция его же арестовывает. За то, что он еврей?..

Правда, Элиэзера вскоре выпустили. Арест этот был «для вида». Начальник полиции знал «правила игры». Напоил его кофе и с заднего хода выпустил. Спрашивается: к чему эти игры?

Раскопки велись широким фронтом, я бы сказал — с размахом: появились местные ребята, появилось и новое руководство. До этого считалось, что раскопками руковожу я, ибо знал, где и что копать, разбирался в картах, ориентировался на местности. И вот появился Ноам. Его назначили руководить работами и платили за это деньги. Был он учеником рава Левингера, а Левингер поддерживал связи с военным губернатором.

Нам это не понравилось, особенно Элиэзеру. На эту должность рассчитывал он, поскольку она хоть как-то оплачивалась. Других источников заработка у него не было, и он должен был либо копать, как прежде, либо подыскивать другую работу. Это задело его настолько, что он говорил: «Я этого раву Левингеру не прощу даже в Йом-Кипур, как положено прощать еврею еврея». Потом он поостыл.

А Ноам оказался хорошим парнем. Прекрасно организовал работу и нам ничуть не мешал. Что значит «не мешал»? Мы все-таки делали не совсем то, что он нам предлагал. Нашей задачей было раскопать и восстановить весь Еврейский квартал, а не только синагогу. Мы старались охватить раскопками участки побольше.

Здесь нужно сказать, что в отношении к этой проблеме было как бы два подхода. Первый — так сказать, «культурный подход». Группа рава Левингера считала необходимым сотрудничать с военной администрацией — ведь это «наша», еврейская администрация. Но тогда и она должна что-то предпринимать. На

деле — это только разные указания, которые нам мешают. Представляете: взял бы хоть раз военный губернатор в руки лопату! Ничего бы с ним не случилось. Я — человек постарше его, копаю, и ничего… Так нет же, усложняют нам жизнь, как только могут! Дали приказ: не оставлять рабочего оборудования на месте, а относить его на военный склад к Меарат га-Махпела. Тащить за несколько сот метров отсюда тачки, лопаты после тяжелого трудового дня, а утром — снова приносить все это на место работы — явная глупость! Но кого это касается?!

Дело доходило до нелепости. Мы копаем, надо огородить участок, чтобы прохожие не мешали работам, а мы не мешали им. Из «касбы» есть узкий проход, где может пройти человек, оттуда постоянно идут на базар арабы. Надо бы проход заложить, чтобы они пользовались другим входом, расположенным рядом, — тот гораздо шире, там и лошадь пройдет, и машина. Кроме того, нельзя забывать о безопасности: могут незаметно пройти оттуда, обстрелять нас, закидать камнями. Ноам обращается к губернатору и получает отказ: права арабов ущемлять нельзя. Вот если в нас будут стрелять, тогда этот вход закроют. Как говорится, после драки кулаками помашут…

Я называю это «дефектным мышлением», когда во внимание принимаются не главные, а какие-то второстепенные вопросы. В данном случае, ни помехи работам, ни вопрос безопасности для них не важны. Есть, якобы, политические причины. А на самом деле вся политика — как бы не ущемить интересы арабов! Об этом пекутся днем и ночью, а вот на защиту прав евреев не находится и минуты.

Все это связано с «культурным подходом».

Какой же подход предлагал я? Предлагал — и осуществлял. Не связываться вообще с военной администрацией. Я копаю — они обязаны мне не мешать. Вот и все. То есть, я не против того, чтобы и они сами копали. Было у них много времени, чтобы этим заняться. Но они держали скот в синагоге. Теперь пришло мое время, и я хочу, чтобы мне не мешали. Я уверен, что это хорошая система. Никто не должен приходить, давать мне указаний. Пусть знают, что связываться со мной — пустое дело.

А насчет орудий труда я вынужден был вмешаться. Встретил я как-то военного начальника, рангом повыше губернатора. Пришел он на наши раскопки, и я сказал ему, что согласно нелепому приказу мы вынуждены тащить наш рабочий инвентарь за несколько сот метров отсюда. Он ушел, и через некоторое время прибегает радостный Цвика:

— Разрешили… Свыше… Можно хранить здесь!

Но дальше вышло хуже. Вскоре нам велели полностью

прекратить раскопки. В чем дело? Архитектор написал докладную, где сообщает, что раскопки следует прекратить из-за несоблюдения техники безопасности.

Тут рассердился сам рав Левингер. Ему стало обидно он ведь действует «культурно», сотрудничает с властями, не занимается «партизанщиной». Более того — приставил к нам своего человека, который и иврит знает лучше. Знает как вести работы, не слишком отклоняясь от приказов губернатора.

Поехали к архитектору: Ноам, рав Левингер. Прихватили с собой и меня. Едем прямо ночью, в Тель-Авив. Врываемся среди ночи в частный дом, поднимаем человека с постели: «Как так — остановить? Почему это вдруг?!».

Архитектор — настоящий израильтянин: рубит правду. Ему предложили так написать, чтобы хуже не было. Если археологи вмешаются — скажут, археологический памятник. Я про себя думаю: памятник погрому… А о том, чтобы хуже не вышло, — откуда они знают, что будет лучше, а что хуже?

Рав Левингер — человек настойчивый. Уже под утро едем назад к губернатору. Поднимаем и его: так, мол, и так, докладная архитектора не совсем объективна, кто-то оказал на него давление.

— Хорошо! — отвечает он нам и обещает разобраться. Все, как говорится, в рамках «культурного» подхода!

Через некоторое время снова приезжаем к губернатору втроем: я, Ноам и Замбиш. И он нам говорит:

— Есть приказ — возобновить раскопки! Но тебе, Бен-Цион, запрещено!

— Как так? — восклицаю в недоумении.

— А вот так! И точка! Я тебе выдам справку, что ты раскопал синагогу, что без тебя ее бы вообще никто не раскопал. Но с сегодняшнего дня ты больше работать не будешь.

— Э, нет! — отвечаю. — Все равно буду!

Скоро у меня начинается лекционный курс, я веду и научную работу — копать мне действительно некогда. Но по какому праву мне запрещают?! Кто это придумал? Те же, кто за день до этого придумали соображения «технической безопасности»?

На другой день выхожу на работу. Раскопки идут уже не в самой синагоге, а возле прилегающих домов. Потом — расчищают площадь синагоги Хабада. Именно про эту площадь и сообщал в своей докладной архитектор, предупреждая об опасности.

Меня арестовали и отвели в полицию. Потом отправили в тюрьму. Сижу я в тюрьме день, два, никакого следствия не ведется. Просто надо поиздеваться над человеком, доказать, кто здесь власть и кто на самом деле командует парадом.

Но мне обидно еще и другое: ни Ноам, ни Замбиш не выразили протеста, не поддержали меня. Мое же отношение к людям как раз на том и строится — помогать другу, даже если ты с ними в чем-то не согласен. Ведь у нас общее дело — раскопки еврейских святых мест! Но при «культурном подходе» страдают фактически все стороны.

15. Продолжение раскопок в «Аврам Авину»

Наши успехи в раскопках на кладбище и синагоги «Авраам-авину» повлияли на образ мышления активистов еврейского заселения территорий. Это хорошо выразил в своих теоретически-философских высказываниях Ханан Порат. Однажды у него состоялась беседа с равом Левингером в Кирьят-Арба, и он сказал приблизительно следующее: «Профессор Тавгер преподнес нам урок иного подхода к действительности, другую систему отношений с администрацией и арабским населением. Раскопки без официального разрешения властей, без широкой огласки в печати, без приглашения работников телевидения, без корреспондентов радио и газет… Тактические успехи налицо и надо бы это продолжить. Несмотря на то, что это противоречит тактике движения “Гуш-Эмуним”.»

Одним словом, Ханан Порат одобрил мою систему, предлагая использовать накопленный опыт.

И еще Ханан Порат спросил у меня, не знаю ли я объекта, где они тоже могли бы приложить свои силы и начать реставрационные работы.

— Пожалуйста, объектов полно! — ответил я и повел их в один из еврейских домов Хеврона, что по сей день пустуют.

Вошли, стали его осматривать. Кругом полно пыли и грязи, на втором этаже кучи битого камня. Арабы, видимо, пытались сделать перегородки из каменных блоков и бетона. Перегородки уже стояли, но были местами выломаны. Кем и как — неизвестно. Все окна и двери, естественно, выбиты.

— Отлично, — ответил Ханан Порат. — Этот дом и будет нашим объектом, — и уехал дальше.

Движение «Гуш-Эмуним» придерживалось тактики широкого оповещения и обсуждения всех своих намерений. Если ими намечались какие-то мероприятия: вылазки, устройство новых поселений без ведома властей и т.д., то на первой же стадии, через несколько часов, об этом уже писали в прессе и знал весь Израиль. Но перед этим они вели длительную «дипломатическую подготовку»: запрашивали разрешение — и не получали его, вели переговоры с членами Кнессета…

Рав Левингер неоднократно высказывался по поводу их тактики. Он говорил, что народ должен обо всем знать, должен поддерживать их, и это в конце концов принесет положительные результаты.

Мой подход был совершенно иным. Я никого не собирался ни учить, ни перевоспитывать. Если уж кому-то надо учиться, то это мне у народа. Людей много, у каждого свой характер, свои знания, свои мнения. Учиться можно даже у арабов. А еще точнее, я пытался «выучить» действительность и на основе этого планировать свои действия. Моя система была чисто научной. В основе ее всегда лежали действительные факты, которые я тщательно изучал. Для них — Ханана Пората и деятелей из «Гуш-Эмуним» — прежде всего была политика. Им необходима известность со всеми вытекающими отсюда последствиями: воздействие на массы, большее число сторонников, депутатские места в Кнессете на ближайших выборах. И в отношении военной администрации я придерживался тех же принципов: реагировать только на действия, а не на формулировки. Рав Левингер время от времени повторял, что военные — это тоже евреи, только в военной форме, простые парни, не кончавшие ешив, их надо обучать. Но, как любил выражаться Элиэзер: «Мы никому рентгена души не делаем!». Я не льстил никогда губернатору, не взывал к его «еврейскому сердцу», не упрекал его, что он не кончал ешивы, не получил еврейского образования. Ведь образование можно получить не только в ешиве. Разве только воспитанники ешив «Мерказ га-рав» получают правильное образование? И неизвестно, следует ли всех парней воспитывать только таким образом.

Хочу рассказать и о второй попытке поселиться в Бейт-Хадасса. Здание это стоит в самом центре Хеврона. Хотя оно и пустовало, захватить его, закрепиться в нем было трудно. Военная администрация, как всегда, боялась открытых конфликтов с арабами. По их мнению, если имеется хоть какой-то контакт евреев с арабами, то это уже конфликт, уже проблема. А если мы займем Хадассу, то тут контакты арабов с евреями будут постоянными.

Я лично был уверен, что можно легко обойтись без конфликта: взять и вселиться в здание Бейт-Хадасса спокойно и тихо. Но ведь военная администрация первая поднимет шум! Поэтому, думал я, лучше направить наши действия на Еврейский квартал, который находится подальше от центра. Там много пустых домов. Часть из них нуждается в серьезном ремонте, часть — в небольшом. В них почти сразу можно вселиться и жить. Это не центр, хотя и близко от него. И это место заслоняет шумный базар.

Возле Бейт-Хадасса вскоре появилась группа учащихся ешивы во главе с Замбишем. Это не были люди Ханана Пората. Они действовали и без указаний рава Левингера, скорее — вопреки

им. Это было начало конфликта: ученики ешивы рава Левингера стали действовать по своему усмотрению, хоть и поставили его в известность. Я знал об этом и всячески Замбишу стал помогать. Шансы на успех были мизерны, но всякую инициативу нужно было поддерживать. Помощь моя заключалась в том, что я снабжал их орудиями труда с кладбища: лопатами, тележками, корзинами… Сын мой тоже присоединился к Замбишу и его группе. Расчистка продолжалась дня два, поскольку работали энергично и было много людей. Верхний этаж был вычищен полностью, работница ешивы вымыла там полы, и все блестело. Потрудились, одним словом, замечательно. Но это был далеко не конец. Я говорил уже, что были там кучи камней, рухляди, мусора.

К концу второго дня в «Бейт-Хадасса» появился губернатор и запретил работать. Никакой стражи он не поставил, приказ был устный. Два дня ученики ешив ничего не делали. Правда, была суббота, после чего группа Замбиша снова принялась за дело. Они принесли «арон га-кодеш» и стали молиться. И это было ошибкой. Несмотря на то, что военный губернатор отдал приказ устно и солдат не приставил, работать надо было тайно, либо по ночам. Начинать же молиться — было преждевременно. В соответствии с нормами администрация просто обязана была отреагировать. Солдаты стали выгонять евреев, а те снова врывались. Их выгоняли, а они опять врывались. И так — много раз. Когда же не было возможности прорваться через заслоны, чтобы молиться внутри, они пели и танцевали возле здания, молились и снова пели и танцевали. Военные власти реагировали все жестче.

Губернатор сильно нервничал. Он, губернатор, в принципе неплохо к нам относился, в глубине души мечтал о заселении евреями Хеврона, но откровенно боялся. Не знаю точно, чего он, бедный, боялся, но действовать стал очень решительно: евреев партиями арестовывали…

***

На этом записи профессора Тавгера обрываются. Судя по оставшимся планам и наброскам, он обо многом еще хотел написать. Хотел — и не успел…

Одна из глав должна была рассказать о суде в Беэр-Шеве: «Государство Израиль против Бен-Циона Тавгера и Элиэзера Бройера». О суде, который длился около двух лет, на который ушло много времени, сил, нервов. Им угрожало тюремное

заключение сроком от семи до девяти лет. Они вышли оттуда победителями, полностью оправданными. Думали, что перед ними извинятся, попытаются что-то объяснить, загладить. Этого не произошло.

Профессор Тавгер считал, что настоящей причиной передачи их «дела» в суд были события кануна Йом-Кипур 1976 года. Арабы ворвались в Меарат га-Махпела, разгромили все, что было приготовлено к святому дню, разорвали свитки Торы, молитвенники. Военная администрация вынуждена была как-то реагировать на происшедшие события. И по указанию «свыше» — найти виновных с обеих сторон (!) — решили доказать, что евреи «раздразнили» арабов. Вот тогда-то были подняты старые «дела», среди них — и события полугодовой давности, Шошан Пурим 1976 г., которые Тавгер подробно описал в своих воспоминаниях.

Невозможно рассказать историю суда словами Бен-Циона Тавгера. Но можно привести выдержки из перевода приговора судьи. Вот они:

> Окружной суд в Беэр-Шеве.
>
> Уголовное дело 475/76
>
> Оба подсудимых обвиняются в шантаже с применением силы и угроз… и в причинении материальных убытков…
>
> Дополнительно к этому подсудимый №1 Тавгер обвиняется в нападении…
>
> Указанные выше преступления были приведены в исправленном обвинительном заключении, представленном суду 9.12.76.
>
> Согласно обвинительному заключению, представленному 24.10.76, подсудимые обвинялись только в одном преступлении…
>
> Обвинение утверждает, что 17.3.76 подсудимые — вместе с двумя другими людьми — угрожали оружием трем жителям Хеврона, один из которых — судья религиозного суда — и вынудили их разбирать заграждение на дороге в Хевроне, относить камни, из которых оно состояло, на обочину дороги. Кроме того, обвинение утверждает, что… подсудимые с умыслом нанесли ущерб имуществу человека по имени Махмуд Эль-Шарбати тем, что порезали покрышки и разбили переднее стекло его грузовика.
>
> В отношении подсудимого №1 обвинение утверждает, что в конце августа — начале сентября 1976 года он, вопреки закону, напал в Хевроне на г-на Цви

Барэля, бывшего тогда заместителем военного губернатора, и на городского инженера г. Хеврона. Нападение состояло в том, что он вывалил на них содержимое тележки с песком, а также резиновой корзины, полной песка и камней, когда они пришли проверить ущерб, который подсудимый нанес во время раскопок в том месте синагога «Авраам-авину»…

Для связи между различными фактами, приводившимися в свидетельствах, важно знать о личности и работе каждого из подсудимых.

Подсудимый №1 родился в России в 1930 году и был там профессором физики. Он приехал в страну в 1972 г. и работал профессором Тель-Авивского университета. После того, как он переехал в 1974 г. в Кирьят-Арба, он начал работать профессором в Технологическом колледже в Иерусалиме и одновременно — сторожем на еврейском кладбище в Хевроне. Он не ограничился в своей работе только охраной, так как святость этого места, по его мнению и по мнению тех, кто его послал, заставляла его заботиться о восстановлении кладбища, корчевании виноградников, фруктовых деревьев и других растений, которые росли там с тех пор, как прекратилось еврейское поселение, а также о поисках могил и памятников, которые были скрыты растениями и пылью. В декабре 1975 г. он также открыл синагогу, которая во времена, когда там жили евреи, была известна под именем «Авраам-авину», а теперь была погребена под навозом. Восстановил синагогу, и некоторые жители Кирьят-Арба, а также другие евреи,… начали там молиться…

а) Дело о порезанных покрышках грузовика.

Это событие произошло, как было сказано, 17.3.76, когда в Хевроне были беспорядки, демонстрации, строительство заграждений из камней и горящих покрышек на дорогах, кидание камней демонстрантами или другими арабскими жителями в военных и в машины проезжавших евреев.

…необходимо добавить, что путь расследования, избранный полицией или кем-то другим, кто был за это ответственен, кажется странным. Нет никакого заявления, которое было бы принято… в день происшествия, т.е. 17.3.76. Только 19.5.76 кто-то в полиции вспомнил, что надо снять показания с обвиняемых…

…Третий свидетель по этому делу — …г-н Эхуд Баркин, из киббуца Гват, который в день происшествия, 17.3.76, был там в качестве офицера-резервиста.

…В свете других свидетельских показаний, включая и показания самих подсудимых, трудно представить себе, что кто-то из обвиняемых мог поднять руку и порезать одну за другой две покрышки, как сказал этот свидетель, когда возле него стояли военные.

…Подытоживая это дело, я пришел к заключению, что невозможно опереться на показания свидетелей обвинения, и я предпочитаю им показания подсудимых. Необходимо добавить, что обстановка в тот день была напряженной,… и у обвиняемых был интерес устранять заграждения, а не создавать их… Ясно, что вокруг было немало других людей, которых свидетели обвинения не знали. Подсудимых они знали хорошо, так как те ходили каждый день на работу и обратно, и могло быть, что обвиняемые выбраны именно из этих соображений, так как не было возможности определить, кто были другие люди. Здесь не место обращаться ко взглядам свидетеля Баркина на поселенцев Кирьят-Арба, однако поучителен факт, что этот свидетель вовсе не опровергал того, что он сказал кирьят-арбовцам, что они — фанатики и что они — причина всех беспорядков, и что надо выкинуть их из города, и он рад выполнить это…. Он сказал, что поселенцы «только мешали армии» и что сам факт их присутствия в городе «был провокацией». Это было сказано после того, как свидетель видел, как в военных бросали камни дети, а также взрослые — с крыш домов. Жители Кирьят-Арба занимались расчисткой — убирали головешки, покрышки и всякие другие предметы из заграждений. Возможно, свидетель не знал, как подсудимые и другие кирьят-арбовцы спасали туристов, сопровождали два автобуса, которые были в ресторане Кацовера. Но мне ясно, что его взгляды по отношению к подсудимым таковы, что правдивость его показаний весьма сомнительна.

6) Дело о выбрасывании мусора от раскопок возле синагоги «Авраам-авину».

…Что касается фактической стороны дела, следует отметить, что хотя этот случай произошел в конце августа или в начале сентября 1976 г., жалобы в полицию были поданы 13.10.76 и 10.10.76, т.е. примерно спустя полтора месяца. Следует принять во внимание,

что Йом Кипур в том году был 3.10.76, и тогда, по свидетельствам, в Хевроне были серьезные беспорядки…. Как утверждается, арабы ворвались в Меарат га-Махпела и осквернили и разорвали свитки Торы… Возможно, что жалобы были поданы в результате беспорядков в Хевроне, когда господин Барэль, а может быть, и другие лица в военной администрации, искали, в чем можно обвинить подсудимых… В своем свидетельстве в суде г-н Барэль говорит: «Физически с нами не произошло ничего особенного — одежда испачкалась. В целом, создалось положение, когда стоят представитель муниципалитета и представитель военной администрации, и в каком-то смысле авторитет администрации пострадал. Так как администрация действует в соответствии с возложенными на нее обязанностями, гражданские лица ожидают, что администрация будет достаточно авторитетна в наведении порядка на месте, и никто не будет задевать ее тележками и корзинами*.»

…Чем больше вникаем в показания этих двух свидетелей, тем больше создается впечатление, что они недостаточно точны в своих высказываниях…, и каждый из них помнит или не помнит, что точно произошло в те минуты, когда они были на месте.

…После того, как я взвесил показания этих двух свидетелей, я пришел к выводу, что я должен предпочесть показания подсудимого №1… Объяснение подсудимого №1 оставляет более серьезное впечатление, чем разные описания свидетелей обвинения…

…Необходимо также принять во внимание явную враждебность г-на Барэля по отношению к обоим подсудимым. Частично это нашло выражение в его словах, что настало время свести счеты с обвиняемым №1 и позаботиться, чтобы его отдали под суд, т.к. он причиняет одни неприятности.

…Я не вижу ничего существенного и в других вещах, которые г-н Барэль относит к обвиняемому №1. Обвиняемый №1 произвел на меня впечатление зрелого, солидного человека, который… из ревностной преданности святости кладбища и синагоги делал там то, что он делал.

…Окружной прокурор в своем письменном заключении высказался о подсудимых, что они, по его мнению, относят любой вопрос к политическим рамкам и придают любому поступку политическое значение. Он

утверждает, что подсудимые насмехаются над режимом, который пытается навязать им политические взгляды, с которыми они не согласны. И поэтому соврать, чтобы ускользнуть от навязывания политических взглядов, — это, по их мнению, даже мицва. Я должен сознаться, что трудно до конца понять окружного прокурора. И если я даже сумел это сделать, я с ним не согласен. Но какими бы ни были взгляды прокурора на обвиняемых, мне кажется, что во всех конфликтах, которые были в стране между арабами и евреями, всегда были случаи, когда обвинение взваливалось на человека, который ничего не сделал.

… д) Дело об уборке камней из заграждения.

…После того, как я взвесил все доказательства, я пришел к выводу, что необходимо оправдать подсудимых. Возникли сомнения, часть которых связана с показаниями жалующихся, другая часть — с характером работы полиции в этом деле…

…Кто-то в полиции вспомнил 19.5.76, что нужно снять показания у обвиняемых, и только 15.7.76 было записано свидетельство г-на де-Паза (полицейского). К кади (религиозному судье) полиция обратилась только 13.10.76.

…В тот день обвиняемые занимались расчисткой нескольких заграждений, так как чувствовали себя обязанными устранить опасность. Так как заграждение предназначено не только для того, чтобы останавливать движение транспорта, но и может служить местом засады — любая машина, остановившаяся там становится беззащитной мишенью для камней или других предметов, кидаемых в машину или в прохожих из засады. Не только обвиняемые, но и жалующиеся видели в расчистке заграждений проявление гражданского долга, поэтому они сетуют не на само действие, а только на позор, который причинен кади или им лично…

На судах, где свидетели заражены националистическим фанатизмом, суд обязан быть особенно осторожным, т.к. из-за этого фанатизма свидетель может не слишком педантично следовать правде. В рассматриваемом случае один из свидетелей — уважаемый судья религиозного суда, другой — секретарь того же суда, третий — адвокат, родственник первых двух. С другой стороны, каждый из обвиняемых

— не менее уважаемый человек. Видно, что обвиняемые сыграли роль, достойную похвалы. И критические выражения, сказанные о них окружным прокурором, по-моему, не подходят им. В тот день они рисковали жизнью и собственной безопасностью, когда они сопровождали туристов и удалили их от опасности, занимались расчисткой заграждений, которые угрожали военным и гражданским лицам, находившимся на улице.

… В свете всего сказанного выше, я оправдываю подсудимых по первому пункту и по всем другим пунктам обвинительного заключения, на основании которого они были привлечены к суду.

4.9.78

Бен-Цион Тавгер так многого не успел сделать! Он похоронен на старом еврейском кладбище в Хевроне — том самом, которое он расчищал своими руками.

Дорога, поднимающаяся к кладбищу, обозначена на военных картах как «Дорога Тавгера».

У входа в восстановленную синагогу «Авраам-авину» установлена мемориальная доска в память о нем. И весь этот район называется «Кирьят Бен-Цион».